

Цена Сокровищ

ОПАСНЫЕ ТАЙНЫ
КИТЕЖ-ГРАДА

ЕЛЕНА
• ЕЗЕРСКАЯ •

Елена Езерская
**Цена сокровищ: Опасные
тайны Китеж-града**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=268752

Цена сокровищ: Опасные тайны Китеж-града: АСТ; М.; 2010

ISBN 978-5-17-061179-9

Аннотация

Известного ученого Игоря Карцева никогда не прельщали лавры Индианы Джонса. Тихие кабинетные исследования, лекции в университете, романтические встречи с красивыми женщинами – такой была размеренная жизнь завидного холостяка. Но однажды в его руки попадает потрепанная записная книжка с головоломным шифром, и с этого момента Карцев с головой увязает в смертельно опасной интриге с похищениями, убийствами, подставами и шантажом. Оказывается, в бесценной книжке указан путь к мифическому Китеж-граду. Мистическому городу, который фанатично искали фашисты, городу, ставшему недостижимой мечтой для археологов всего мира! И Карцеву придется найти этот путь, если он хочет выжить и спасти любимую женщину, попавшую в руки охотников за сокровищами.

Содержание

Глава 1. Голос из прошлого	4
Глава 2. Друзья встречаются вновь	34
Глава 3. Наваждение	66
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Елена Езерская

Цена сокровищ: Опасные тайны Китеж-града

Глава 1. Голос из прошлого

– Бывай!

Случайный водитель по-свойски козырнул мне из салона, подкрутил выше уровень стекла со стороны пассажирского сиденья и принялся выезжать. Но еще из окна площадки своего этажа я видел, как его восьмилетняя «тойота» неловко рулила на пяточке у соседнего подъезда. Ворчала, газовала, спотыкалась и наконец вывернулась. Неплохо, подумал я, усмиряя раздражение, которое копилось во мне всю дорогу от аэропорта до дома.

Наверное, «бомбила» по быту был совсем неплохой человек. Хороший муж, отличный отец и компанейский парень. И караулить экономных командированных за сто метров от шлагбаума при въезде на территорию аэровокзала, переполненную услужливыми, но дорогими такси, его вынудили нелегкие и очень серьезные жизненные обстоятельства. Я понимаю, что за последние пятнадцать лет мир здорово изменился, и допускаю любые возможные объяснения причин

внезапного приступа невротической откровенности незнакомого мне индивида, однако они никогда не были для меня смягчающим обстоятельством в оправдании чужой болтливости.

Я не знаю, почему в первой четверти двадцать первого века кому-то необходимо еще объяснять, что мозг – самое сложное из всех электронных устройств. И если компьютеры скручивает от выбросов солнечной мантии и ядерных взрывов где-то в другом земном полушарии, то что говорить о моей голове, чей период активности растянут во времени до бесконечности?

Из книжного детства я запомнил один фантастический рассказ, он назывался «Каким ты вернешься». Мечта о бессмертии человеческого сознания в эпоху электроники: ученый погиб, но коллеги успели спроецировать его мозг в компьютерную программу. Голливуд превратил эту расхожую техносказку в кровавый блокбастер о робокопе. В нашей истории, как всегда, было больше тепла и лиризма. Ученый вернулся домой – к жене и дочери – в облике железного великана-машины. И теперь он уже мог защитить любимую женщину от тяжелой работы или опасности, мог поднять свою девочку в небо и летать с нею долго среди облаков. Но даже этому совершенному механизму было трудно существовать в формате живого сознания – роботу приходилось думать одновременно о разных вещах и раскладывать мысли по полочкам разных программ. В три колонки. Или в пять.

И не спать, потому что не спал его мозг. Человеческий мозг. Мозг ученого, полный идей и проектов.

Тот, кто умеет думать, никогда не отдыхает. Перегрузка на сон необходима только для мышц и костей. Головой я все время в процессе, мне мешают любые шумы. В моем доме молчат все часы, потому что я ненавижу размеренность внешних сигналов. Телевизор – это картинка без звука, никаких музыкальных центров, динамиков. Аппарат автоответчика всегда стоит в режиме «на минимум», в мобильном – «бесшумный». Звонки раздражают – обычно они раздаются некстати и выбивают из темы, из ритма моих размышлений. Я люблю тишину, потому что она бесконечна, как мысль.

Моя первая просьба в такси – выключить радио. Раньше я даже просил помолчать, но водители – странный народ. В магазине всегда прав клиент, здесь – все с точностью до наоборот. Я заметил – при разности типов лица, возрастов и других отличительных черт все водители делятся на категории «молчунов», «болтунов», «панибратьев» и «гуру».

О последних понятно – вид самый опасный из всех. Они имеют свое представление о природе вещей, о политике, о религиях, об экономике и о тебе. «Гуру» видят пассажира насквозь и ставят диагноз твоему здоровью, характеру, едва ты успел занести одну ногу в салон. В отличие от «болтунов», для которых не важно, с кем и кому говорить, лишь бы им не мешали изливать свой словесный фонтан, «гуру»

жаждут общения. Цепким взглядом окинув сидящего рядом или «просветив» тебя в зеркало заднего вида, они начинают вещать. Что ни фраза – сентенция, что ни слово – печать. И пока ты с ним едешь, ты должен включиться в игру. Я испробовал все варианты отхода: я шутил, я молчал, принимался с ним спорить, соглашался – и тоже проигрывал. Потому что «гуру» требуется не собеседник, а тренажер для его драгоценных теорий. Для него спор с тобою лишен всякого смысла и твое сопротивление бесполезно, равно как и твое согласие – «гуру» не нуждается в чужом подтверждении своих слов, они существуют сами по себе и самодостаточны.

«Гуру» очень практичны – с ними нельзя торговаться, могут высадить на мосту эстакады или в темном глухом переулке. Цену за проезд они назначают как аксиому, а ей, как известно, доказательств не требуется. «Болтунов» еще можно уговорить на «подешевле», им легко подыграть, потому что ваш главный и единственный, все побивающий козырь – сочувствие. Но его очень трудно найти в своей душе для человека, который, не замолкая ни на минуту, говорит, говорит, говорит. О себе, о родных, о собачках и кошках, о кенаре сына или о морской свинке маленькой дочки. На стоп-сигнале красного светофора «болтун» успевает достать из бардачка цифровой фотоаппарат и показать тебе умильную крысиную мордочку с красными глазками-бусинками, а потом под сигналы стоящих сзади машин он вдруг так внезапно рванет на зеленый, как со старта, что твою спину до боли

впечатает в кресло, больше похожее на массажер мазохиста.

Поначалу я очень любил «молчунов», но потом мне открылась истинная причина их, как казалось, благородной сдержанности. «Молчуны» всегда знают маршрут или просто уверены в том, что они его знают. И когда ты молчишь, ты хорош, но стоит тебе усомниться в целесообразности выбранного ими пути, ты немедленно превращаешься во врага. И тогда от «молчунов» начинает исходить непонятное энергетическое излучение, запирающее светофоры, нагоняющее пробки и провоцирующее столкновения машин, до этого мирно идущих в соседних рядах. Волнение передается и вам – вы подгоняете, вы торопите, вы рассуждаете вслух, то и дело поглядывая на часы. А «молчун» злится все больше с каждым затором и во всем обвиняет вашу нетерпеливость, и жалеет, что вас посадил. В итоге вы все равно доберетесь до места, но с каким опозданием! И уже на исходе собственной нервной системы. И потом даже будете рады заплатить ему больше, лишь бы вырваться из-под власти этой страшной молчаливой мистической силы.

С «панибратьями» проще. Они не спешат выставлять тебе свой человеческий счет. Неназойливо, словно впроброс, «прошупают» двумя-тремя общими фразами, и тема для разговора найдется всегда. Не вдаваясь в подробности и не увлекаясь глубиной рассуждений. Для таких собеседников у меня есть набор очень точных деталей о рыбалке, о спорте, об отдыхе за рубежом, о машинах, о женщинах, о семейных

проблемах. Мы обычно болтаем какое-то время без напряжения, и за первой попавшейся точкой не следует продолжения. Я начинаю смотреть в окно, мой водитель сосредотачивается на дороге, иногда ему кто-то звонит на мобильный, и он насовсем отвлекается от нашей беседы. С «панибратьями» время летит незаметно и дорога зачастую открыта «зеленой волной». Жаль, что этих ребят очень мало. Среди них больше тех, для кого «таксовать» – подработка: у кого-то большая семья, у кого-то на руках родители-пенсионеры. «Молчуны» – это старые кадры. «Болтуны» – гастарбайтеры. Для «гуру» такси – самоцель, а еще больше – способ мужского самоутверждения.

Мне сегодня попался «болтун». Он меня укачал. Расспросил – кто такой (очень жаль, что москвич, потому что торгуешься, зная, за что торговаться), для чего прилетел и где был, как там жизнь, как здесь жизнь изменилась за эту неделю. Рассказал, как ровно два месяца назад попал в аварию и, пока лежал в больнице, у него закончился срок регистрации, деньги и он потерял место на общей стоянке, а свои запросили неподъемный процент за возможность вернуться к работе. И что жил у московской знакомой, так она его не дождалась – с ней теперь живет его друг, а какой нынче друг, когда денежки врозь, и сейчас он ночует в машине и сильно устал – здесь я вздрогнул: еще не хватало, чтобы парень заснул за рулем. И потом ему кто-то звонил без конца – я сказал, чтоб следил за дорогой. Он кивнул, и опять – понеслось.

Про жену, про детей, про Газпром, про молочный конфликт, про Америку – рай, про правительство их и правительство наше. Прерывался на радио – исключительно курсы валют, а еще что там будут решать с трудовыми мигрантами. Очень много чего – я заснул, когда мы выезжали на МКАД. Провалился в себя, потому что устал – перелет, конференция, вновь перелет.

Я люблю перемены и новые впечатления, но не неудобства. Командировки – это всегда неудобства. Это лишние люди, из которых не все интересны, еще меньше – приятны. Это новая пища, другая вода. Однообразный и сумасшедший режим, этикет и банальность коллективных культурных программ. Я мечтаю о виртуальных конференциях – каждый из нас в своем доме, уютно устроен. Никакого сидения в залах – подключаешься только тогда, когда хочешь сказать. Честное слово, я любил бы коллег куда больше, если бы видел их реже или хотя бы на расстоянии. А еще ненавижу банкеты. Кто с кем должен сидеть, кто за кем выступать. Своя табель о рангах, свои реверансы. Отец всегда говорил, что я создан для науки, но не для научного сообщества.

Я с детства любил одиночество. В классе, в летней математической школе, в институте. Книги и Интернет – мои самые близкие люди. Стелла как-то сказала – ты боишься того, чем не можешь управлять, что не можешь контролировать. Интересно, почему я вдруг вспомнил о ней? Столько лет, столько зим... Впрочем, она оказалась права. Люди непредсказу-

емы, а когда их становится слишком много вокруг тебя, в твоей жизни начинается хаос. А я не люблю суеты, не люблю, когда кто-то решает за меня про меня. Все – теория чисел, случайность и воля судьбы. Не судьба, а ее отражение в комбинации обстоятельств.

И поэтому я убегаю, пока каждая следующая «она» не вообразила, что наша встреча навеки. Вот как было сейчас. Катя, Катя... Красавица, умница, доктор наук. Мне казалось, а что между нами – пара малозначительных реплик, остроумных, не спору, по ходу дискуссии за круглым столом под занавес конференции. На банкете она приглашала перейти за их стол – я сослался на то, что меню одинаково, так не все ли равно, где сидеть. И потом очень быстро ушел, я хотел избежать этой встречи, я увидел – она почему-то решила, что наши улыбки взаимны. Мне не нравится, когда женщина определяет твой выбор, это право мужчины. Я ее не виню – знаю, сколько потрачено сил для того, чтобы стать той, кто ты есть. Без характера сделать карьеры нельзя, но характер – не то, что привлекает мужчин.

Но, как водится, вечное наше «назло» – в пульте выдохлась батарейка, а вставать за каждым переключением каналов к телевизору мне было лениво. Я решил, что разумно подняться один раз, и вышел к дежурной по этажу. Здесь столкнулся с банкетной компанией, направлявшейся дальше по коридору в Катин номер – договаривать и допивать. Горячев меня задержал – старый друг, старый враг, однокурсник

и эзотерик. И уже через двадцать минут по приходе Екатерина Дмитриевна под предлогом усталости начала выгонять гостей из номера по одному. А народ не желал расходиться. Я, конечно, видел, для кого освобождается поле, но все казалось таким определенным и почти обязательным, что я был бесконечно благодарен Лере из оргкомитета. Она предложила всем поехать к себе – ее дом неподалеку от гостиницы, здесь же, в Академгородке. Но на улице сыпал дождь, народ передумал куда-либо перемещаться, и все решилось само собой.

Вдвоем мы пошли под дождем по ночному городу к Лере, долго сидели на кухне, согревались зеленым чаем, смеялись, даже не помню чему, потом проснулась милая Лерина мама-старушка, начала суетиться, что гостя не кормят. Лера ее уложила в постель, а мы снова вернулись под дождь и в гостиницу – в мой номер. И все получилось легко. Утром она не сказала ни про «потом», ни «когда снова к нам». Я хотел ей оставить визитку, но вспомнил, что в оргкомитете есть все мои телефоны и адрес. Я сказал – оставайся, отдохни, а когда проснешься, сдай ключ дежурной по этажу. Она отказалась – поеду домой. Я попросил водителя подвезти нас к ее дому, а потом меня – в аэропорт. Я летел и пытался вспомнить ее лицо, я дремал в машине под западенский говорок «болтуна» и понимал, что не вспомню...

«Игорь Сергеевич! Это Градов Вадим. Извините, что не успел отослать вам статью для сборника до вашего отъезда.

«Это же терпит? Или нет? Вернусь с Селигера – дам знать».

«Гарик! Ты не ответил – ты будешь на встрече? Это Олег».

«Игорь, ты мог бы сказать, что уезжаешь, чтобы я не чувствовала себя идиоткой, которая бегает за мужиком... Позвони, когда вернешься из своей Сибири. Если позвонишь...»

«Это мама, ты обещал сообщить, что долетел в Новосибирск. Папа сказал, ты можешь слушать сообщения на автоответчике в любом городе. Я хочу знать, что с тобой все в порядке».

«Игорь Сергеевич, это Кольцов из издательства. Верстка готова, сообщите, когда к вам отправить курьера».

«Гарик! Это опять Олег. Приходи, будет классно – всем классом по Москве-реке на теплоходе... Перезвони».

«Игорь Сергеевич! Это Светлана из деканата. Переверзев ложится в больницу с 22-го. Вы могли бы его заменить дней на десять, две пары – лекция и семинар? Дайте знать, хорошо?»

«Это снова я, ты не ответил на мое сообщение... Может быть, мне вообще больше тебе не звонить?»

«Игорь, я только что прилетела, я проездом из Японии на три дня, а потом возвращаюсь в Париж. Надеюсь, что мы увидимся».

«Игорь Сергеевич, вас беспокоят с телевидения. Мы хотели бы вас пригласить в передачу, у нас тема – «Научные и ненаучные тайны чисел».

«Мой телефон 926 215 1445, Алена, но я еще вам позвоню».

«Эй, отшельник! Слышишь, как весело? Здесь почти все – Ирка, Зиновьев, Амаров, Загурский, а это Мальвина – ну-ка, скажи ему... Гарик, мы очень скучаем! Люблю, люблю, целую, чмок!..»

«Видишь, как все тебя ждали? Жаль,

что тебя здесь нет, нам всем очень весело, а тебе? Это снова Олег». «Игорь, есть предложение показаться на симпозиуме в Кракове, тематический план и список приглашенных выслал на твой @com. Может, соберешься? По-видимому, будет неплохая компания». «... (дыхание в трубке)...». «Игорь, это папа, я знаю, что завтра ты прилетаешь утренним рейсом, не забудь включить мобильный и отзвониться маме, она волнуется, постарайся вести себя не как капризный сын, а как взрослый мужчина». «Игорь Сергеевич, это, если помните, студент третьего курса Лавровский. На кафедре сказали, что передача только в конце семестра, а пораньше нельзя? Или просто договориться? Можно, я вам еще позвоню?» «Игорь Сергеевич, напоминаем, что ждем вас с докладом в нашем институте 19-го, в 16 часов. Альбина Витальевна». Последнее сообщение и шуршание пленки. Наверное, я что-то еще пропустил из последних событий. Ничего, кому надо и очень меня захотят – будут снова звонить.

Я записал в ежедневник – доклад, симпозиум, курьер. Телевидение? Надо подумать. У меня уже был забавный опыт передачи, от которой за версту несло дилетантизмом, но отец насоветовал – надо идти и нести в неразумные массы хотя бы немного науки. Получилось преглупо – мы не просто говорили на разных языках, мне почти не дали говорить, а предсказатели и астрологи с жаром позировали на камеру, рассуждали про магию цифр, убеждали друг друга и зрителей в их мистическом предназначении, приводили в примеры ба-

нальные факты и расхожие имена, набившие оскомину ученому миру. Когда это шоу закончилось, я спросил у редактора программы – все, о чем здесь говорилось, известно практически каждому смертному, об этом не пишет и эти, с позволения сказать, факты не обсуждает разве только ленивый, кому это надо? Но длинный и высокомерный пацан только рассмеялся в ответ – сразу понятно, что вы математик, а не психолог, иначе бы знали, что на самом деле человек не хочет нового. К новому стремятся экзальтированные одиночки из числа сумасшедших или ученых. Массы жаждут стабильности во всем – в еде, в сексе, в работе, в политике и в тайнах, потому что известная тайна – уже не тайна, она не опасна, но, чтобы она не теряла своей привлекательности, нужны опытные декораторы – гадалки и провидцы. Новые тайны и непознаваемые миры никому не нужны, неизведанное всегда страшит, а человек стремится к постоянству и покою.

На мой вопрос: а я кто, городской сумасшедший? – парнишка стал улыбаться еще шире, и вид у него был в этот момент такой заговорщицкий, что я решил впредь больше никогда не поддаваться искушению идее просвещения. Разумеется, если только для избранных и за очень большие деньги. К тому же у моего появления в широко разрекламированной передаче оказался еще один оборотный сюжет – на передачу отозвались почти все коллеги, кто с осуждением, кто с пониманием и сочувствием к моей миссии несущего свет знания в серую массу. Со мной начали здороваться не только веч-

ные бабушки во дворе, наблюдавшие еще за моими первыми детскими шагами за ручку с мамой, но и бесконечные арендаторы съемных квартир в нашем доме. Меня узнали даже в продуктовом магазине – пробив чек, девушка-кассир с подострастием спросила: а когда вы снова в Париж?

Кстати, Париж. Я жалею, что разминулся с Надин. Это тот самый случай, когда звонки не имеют смысла, когда просто надо быть рядом и дышать друг другом. Надин! Каманина Надя. Мы познакомились года четыре назад на приеме в британском посольстве по случаю вручения отцу медали Королевского научного общества. Для приглашенных давали концерт. Надя пела арию Царицы ночи из «Волшебной флейты», потом был фуршет, и Надя спросила, не составлю ли я ей компанию на выступлении в загородном клубе МИДа. Я не умею петь и как аккомпаниатор малопригоден, отшутился я, заподозрив, что мне опять навязывают правила игры. Зато вы умеете слушать, сказала она, я видела, как Моцарт будто перевернул вас. «Во-первых, не Моцарт, а музыка Моцарта, во-вторых, не музыка Моцарта, а интонации вашего голоса, а в-третьих, я только что завершил написание статьи, и вы просто попали в резонанс». Другая, будь она немного амбициознее, наверное, уже обиделась бы на мой менторский тон, отдававший мужским высокомерием, но Надя оказалась по-житейски умной и единственной женщиной, которая побывала в моем доме за последние – э-э-э, сколько лет? Наша встреча ничего не изменила в нашем образе жизни –

Надя уехала по контракту сначала в Германию, потом пела в небольшом театре в Италии, замуж вышла во Франции и сейчас время от времени поет то тут, то там по Европе. Сообщи она о своем приезде заранее, я бы предложил ей сделать остановку не в Москве, а в Новосибирске, но Надя никогда не создает будущего. Она говорит – будущее должно приходиться к нам само, иначе это уже не будущее, а прогноз погоды.

Что еще? Студенты – ничего, пусть поищут, побегают, ну не мне же за ними. Лично я никогда не любил дисциплину, но за жадность свободы приходится чем-то платить. Например, неизбежностью для педагога покуражиться над своевольным студентом. Мне в свое время пришлось испытать все последствия зависимости от таких персонажей, хорошо, что такие – не все. Я и сам не такой. Просто если на равных, то значит – на равных. Вы не держите обязательств, я не беру их на себя. Все законно и обоснованно. Градов это понимает и принимает условия негласного договора, Лавровский – не помню, а я его видел? Ну ладно, найдется, посмотрим.

Заменить Переверзева? Надо подумать, как мне отвергнуться. Я с опаскою даже на время читаю чужим. Не хочу затаенных обид и застенчивых просьб от коллег по возможности больше не брать его курс на замену. И потом – все эти апологеты из инициативных студентов, которые осаждают кафедру и деканат, требуя дать им любимого нового лектора! Нет, я придумаю, как отказать. Просчитывать мотива-

ции – это мой хлеб.

А дыхание в трубку – что же мне делать с тобой?.. Да, еще мама и папа – вот приму душ с дороги, улягусь в постель и тогда позвоню. Все равно мама уже сама с утра звонила в аэропорт и знает, что все сегодняшние рейсы из Новосибирска долетели и приземлились удачно. Разумеется, еще остается дорога до дома – подождут, потому что, истратив все свои силы на разговор с мамой, я не смогу дойти до ванной, это каждый раз так выматывает! Уж лучше пусть ее голос усыпит меня чистым.

«Стереть все записи».

Умница Анна Петровна! Цветы политы, в доме ни пылинки, и все на своих местах. Я ее обожаю – Анна Петровна работала в бюро переводов академии, знала несколько европейских языков, отец просил ее вести со мной частные уроки английского, а потом мы взялись за французский, немецкий и, пока я учился в школе, еще пробежались по испанскому и итальянскому разговорным. Анна Петровна была молодая, тихая, какая-то незаметная, но всегда собранная, педантичная, очень добрая и одинокая. Когда в нашем подъезде этажом выше умерла старушка, всю жизнь прослужившая в академической библиотеке, отец уговорил ее наследника-племянника продать его пай и квартиру Анне Петровне, а потом отстоял эту сделку на собрании кооператива – говорят, такой пламенной речи от него не слышали даже на прениях по спорным научным вопросам.

Мама не понимала – отчего он так старается? Но папа с потрясающей выдержкой ей объяснял: теща больна, ты много времени уделяешь заботам о ней, ты разрываешься на две квартиры и дачи, тебе надо чаще отдыхать, не приглашать же постороннего человека, а Анну Петровну мы знаем, Игорек к ней привык, он ее принимает, ты знаешь, как трудно найти к нему подход, будет с ним заниматься и понемногу приглядывать. К моей радости, папа ее убедил – мне было удобно с Анной Петровной, потому что с ней было легко. Никаких нотаций и наставлений, никаких унижений и униженности, а еще она отменно готовила и всегда старалась подавать к столу не то, что надо, а то, что любят, и это было вкусно всегда. Ее сын был моложе меня на пять лет, мы не то что дружили, но в Сереже я чувствовал что-то родное – по духу, как думал тогда. Да и папа не раз говорил – еще один ученый растет. И так говорили и думали многие – с особым подтекстом, значение которого я начал понимать много позже. А когда догадался, о чем идет речь, я не расстроился – я мечтал о такой матери, как Анна Петровна.

Наша семейная идиллия продолжалась много лет, пока мама однажды не сказала – все, хватит. По ее настоянию отец купил еще одну квартиру – далеко, так, что в гости не забегаешься, и они с мамой переехали. Я остался в нашем родовом гнезде под присмотром Анны Петровны – отец решил, что важнее быть ближе к институту, чем к отцу. А я был не против. Сережа, Сергей Сергеевич, стал переводчиком, до-

ма бывает редко, и вся нерастраченная материнская любовь Анны Петровны по-прежнему достается мне. И это не утомляет – Анна Петровна не обсуждает мою личную жизнь, и ей очень понравилась Надя. У нее есть свой ключ, но я никогда не чувствую ее присутствия в своем доме – всякий раз я возвращаюсь в квартиру, из которой уезжал, – ни посторонних вмешательств, ни запахов. Ничего, кроме заведенного мною порядка и чистоты. И даже сейчас, когда, наверное, можно было бы мне позвонить и спросить, как дорога, как съездил, всем ли доволен, что было не так, она не станет меня беспокоить, потому что понимает – я устал, я должен прийти в себя и что потом я ее навещу. Обязательно – с подарком. Я всегда привожу ей какой-нибудь экзотический сувенир или просто полезную вещь для хозяйства. Я уже подарил ей весь мир, потому что за все эти годы она никогда не уезжала из дома. И даже отпуск проводила в Москве, потому что отец в это время оставался один – отправлял нас с мамой и бабушкой к морю, а за Сережей приезжала Анина сестра из Геленджика. Интересно, кто-нибудь сможет ради меня вот так просидеть на одном месте всю жизнь?

И все-таки любая вода чудотворна. Казалось бы, душ, а выходишь, словно заново родился на свет. И тихо, так тихо...

– Игорь, это снова Олег. Извини, что опять беспокою, но это очень важно. Не хотелось бы по телефону. Я надеялся, что увижу тебя на юбилейной встрече одноклассников, но ты

не пришел. Конечно, бывает. И все же – запиши мой номер (диктует), я буду ждать твоего звонка. Дело о жизни и смерти, а еще этот шифр, эти цифры... В общем, приедешь – дай знать о себе.

Именно по этой причине я не поехал на встречу. На самом деле конференция в Новосибирске не была профильной, и я немного доработал свое сообщение, чтобы приблизиться к теме, – пришлось кое-чего подчитать, что-то подтянуть из цитат и положений. Просто мне был нужен предлог для отъезда – скрываться и не отвечать на звонки с приглашением было бы глупо. И потом, я не раз замечал: стоит кому-то сказать, что уехал, и ты обязательно встретишься с ним или столкнешься с кем-то из общих знакомых, и будет неловко. А мне не хотелось бы выглядеть не по возрасту и не по статусу глупым.

Я не жажду сердечных объятий бывших соседей по парте, по классу. Знаю, что каждый из них в этой жизни добился многого, но наше общее прошлое не волнует меня. Я не плачу по умершим и не скорблю по былому. От отца я принял к действию единственно верную заповедь: жизнь – это будущее, реального прошлого не существует, как не существует и реального настоящего, потому что в соотношении с будущим оно – всегда прошлое и то, что происходит сейчас, уже произошло. Вчера важно для тех, кто не хочет жить будущим, кто боится его. Всегда проще прожить то, что уже случилось, и не всякий находит в себе мужество, чтобы жить

тем, что еще не произошло, что тебе неизвестно и что тебя еще ждет.

Я никогда не поддерживал связей с одноклассниками, я не следил за карьерой своих однокурсников, мне не важно, кем станут мои студенты. Это их жизнь, это их выбор, и если кто-нибудь попытается убедить меня в том, что я повлиял на него, я не поверю. Человек одинок по определению – от рождения до момента ухода, и я принимаю эту данность как естественную форму существования любого из нас в этом мире. Некоторых людей она пугает, и поэтому они обрастают друзьями и семьями, обзаводятся детьми и внуками, стараются продлить себя в других. Но это невозможно – мы единственны и неповторимы, каждый из нас исключителен. Этим стоит гордиться, это стоит беречь. И я берегу. Знаю, меня за глаза называют мизантропом. И пусть называют. Потому что невежды. Мизантропы не любят людей, мне же остальные люди попросту безразличны, мне довольно меня самого и тех, кто возникает по ходу течения моей жизни, не изменяя его...

Хорошо для эссе, надо бы записать. Как Олег раззадорил меня, почти разозлил! Неужели ему не понятно: если я не отвечаю, значит, не хочу отвечать? Не могу, не должен. Еще на выпускном мы договорились – без продолжения. Сосед по парте остался за партой той школы, из которой нас только что проводили во взрослую жизнь. Будет скучно – давай созовемся, поболтаем, если будет о чем. Никаких приглаше-

ний на рыбалку, никаких семейных уикендов, дел по дружбе и рекомендаций от имени. Друг – это тот, у кого нет к тебе предложений, советов и общего бизнеса. Деньги неизбежно встают даже между родными людьми. Ближе всех тот, кому ничего не должен и с кем не выпивал в тесной компании и на брудершафт.

Олег сначала смеялся, думал, что я шучу, что это так – игра в самостоятельную и независимую личность. Но потом и сам понял, насколько я был прав. Первое время он звонил каждый день – говорили о вступительных экзаменах, о первых занятиях, о новых девчонках, о педагогах, о том, что серьезная учеба требует полной самоотдачи, что на все остальное остается слишком мало времени. Я тоже звонил – после маминых напоминаний о том, что давно ты с Олегом не говорил. Но с каждым разом звонки с обеих сторон становились все короче и случались все реже. Встретились мы, лишь защитив свои дипломы, на пятилетии школьного выпускного. И даже тогда говорили только об аспирантуре и будущей кандидатской. Олег оказался настойчивей – он звонил еще несколько лет, по утрам в каждый праздник, я по голосу слышал – он думал, что я не один, торопился с пожеланиями для меня и родителей, потом перезванивал им, а они сообщали, что я не в Москве. И он верил, как и они верили мне. А я заходил поздравить Анну Петровну и потом на весь день запирался в квартире, выключив телефоны, иногда – телевизор, и отдыхал от людей.

Я прочитал у известной певицы – перед спектаклем, особенно перед премьерой, она по неделе молчала и даже с мужем и детьми объяснялась одними жестами. Берегла свой рабочий инструмент, свой голос. Мой инструмент – моя голова, она устает не от работы – от постороннего шума и бесполезного общения: от разговоров вне темы, от болтовни просто так, от случайных встреч и обязательных выходов по протоколу. Иногда мне бывает просто некогда сосредоточиться, и вне дома мне постоянно кто-нибудь или что-то мешают думать. А для меня только это и имеет смысл – созидание мысли и ее воспроизведение. Окружающим в массе своей это трудно понять. Обо мне говорят – эгоист, эгоцентрик, избалованный профессорский сын.

Я однажды попытался объяснить одному человеку, что думать – непросто. Глеб работал простым монтировщиком сцены в известном театре, его сбила машина, после удара он выжил и приобрел новый дар – стал домашним психологом. Говорят, что к нему за советом даже звезды ходили. С ним меня повстречал знакомый редактор и, памятуя о моих моделях мотиваций, попросил натаскать неопита на логику рассуждения и изложения – он сказал, что у парня талант и сейчас его книги могли бы пойти. Я подумал и решился на эксперимент – научил монтировщика думать. Через три месяца Глеб позвонил мне однажды глубокой ночью и горестно заскулил в трубку – оказалось, он почти перестал спать, он все время думал и у него никак не получалось контролировать

этот процесс. Я посоветовал выпить снотворного. Глеб сказал, что от таблеток голова болит больше, чем от водки. Выпей, пожал я плечами. Через полгода Глеб спился и слег, он, кажется, до сих пор пребывает в одной из известных и недешевых клиник за гонорары – мой приятель-редактор «причесал» его книги, и теперь они очень в ходу.

Мы остались с Олегом друзьями. Наверное, прежде всего потому, что школьная дружба отныне уже была в прошлом и не мешала нам жить в нашем будущем. Независимость помогла избежать очень многих проблем. Я слышал не раз, как отец в сердцах говорил, что не смог отказать старинному другу и теперь не знает, куда бы сплавить никчемного аспиранта, какие слова подыскать для бездарной статьи. Однажды я тоже поддался искушению и дал рекомендацию однокурснику, который должен был заменить меня в какой-то комиссии. Лучше бы я этого не делал и – больше не делаю. Не заменяю никого и не отдаю свое. Пусть мне никто не должен, но и я не должен никому. Чистота эксперимента – достаточное условие правильных результатов.

И зачем только он позвонил! В его тоне я услышал волнение, совершенно несвойственное Олегу. Он – юрист и прагматик. И не в его привычках отвлекать меня по пустякам. А уж тем более – проявлять завидную настойчивость и почти школьное упорство. Он хотел меня удивить? Это точно ему удалось. Четыре звонка за пять дней! Представляю, как разрывался бы мой мобильный, если бы я не ввел правило

оставлять его дома. Уезжая, я ничего не терял – все заранее было согласовано и рассчитано, проведены все встречи, прочитаны все лекции. Перед каждой командировкой, перед отпуском я подводил итог делам – ничего на потом, когда я вернусь. А когда я вернусь?.. Это классика шестидесятых, это наш образ мыслей, наш способ сохранить свежесть восприятия будущего, не предсказывая его. Горизонт должен быть чистым, и поэтому ничто не может помешать возвращению в новую жизнь – в мое настоящее завтра.

Все же Олег не зря так долго был связан с интригующими сюжетами громких дел и светских скандалов. Я стал нервничать, я почувствовал странный азарт и неловкость за то, что не ответил на его звонок. Я задернул все шторы, опустил жалюзи в кабинете и на лоджии. Я вдруг вспомнил, что бросил курить, а наверное, рано и зря. Мне уже не спалось. Водяная аура испарилась, и вместо неги я ощутил неприятную влажность на теле. Я достал свежее сухое полотенце и заново промокнул им всю кожу. Я был зол и какое-то время метался по комнате, чтобы сбить пожар непонятного мне возбуждения. И не смог. Я оделся и вышел из квартиры и снова вошел в нее – вернулся взять подарок для Анны Петровны и поднялся на десятый этаж.

– Проходи, чай попьем. – Она, кажется, все поняла, принимая у меня из рук коробку с кедровыми орешками в шоколаде. Иногда мне казалось, что тетя Аня всегда была старой, то есть – мудрой. Я представить не мог ее юной и пылкой

влюбленной – ровный взгляд и пробор длинных, теперь уже совершенно седых волос, мягкий овал лица, как будто бесстрастный и беспристрастный тихий голос, движения мелкие, плавные, и все время казалось, будто она смотрит не на тебя, а вглубь тебя.

Анна Петровна заварила зеленый чай – не магазинный, подарочный. Отец привез такой комплект из Китая, где читал лекции в университете Харбина. Десять маленьких ювелирных коробочек, в каждой из которых – некрученые, маленькие, молодые верхние листки разных сортов зеленого чая. Чтобы понять разницу во вкусе, надо сосредоточиться на оттенках аромата – это очень тонкая процедура, требующая церемониальной погруженности в процесс приготовления и питья. Мама заваривала чайную ложку рассыпной смеси «с верхом» в большую кружку. Анна Петровна выбирала аккуратным движением несколько листиков и медленно опускала в тонкие китайские чашечки, стоявшие на фарфоровом подносе, едва не касаясь подушечками пальцев поверхности кипятка. Потом мы молча ждали двадцать минут, пока чай настоится, – я сидел за столом и крутил колесико миниатюрного блюдца от чайной пары, а она собирала на стол – у Анны Петровны всегда были вкусное печенье и восточные сласти. Я догадался: отец привез из Харбина не один подарочный комплект зеленого чая.

– Очень вкусно.

– Сереже подарили в командировке.

– Анна Петровна. – Я поставил чашечку на стол. – В следующем году мне исполнится сорок семь, а мы никогда с вами об этом не говорили.

Она отвернулась к окну.

– Почему вы терпите все это?

– Ты выбрал неверное слово. – Она посмотрела на меня с укоряющей прямоотой. – Это моя жизнь. Тебя же твоя жизнь устраивает.

– Я так живу, чтобы не жить, как он.

– Значит, это не твоя жизнь.

Забавно, я никогда не рассматривал этот вопрос в таком аспекте. То есть она полагает, что все это время я живу не своей жизнью, а любыми иными не-другими жизнями. Я с удивлением взглянул на Анну Петровну – кажется, я начал понимать, почему они с отцом столько лет вместе. И почему-то вдруг разом успокоился – медленно, не отрываясь от чашечки, выпил остывший чай одним долгим глотком, поднялся из-за стола, обнял ее и вернулся к себе.

В спальне я с удобством устроился на кровати: бросил рядом с собой поверх одеяла трубку радиотелефона, подложил подушку под спину – пусть понежится и расслабится, включил телевизор – без звука, чтоб мелькало, пока буду маме звонить, и замер у засветившегося экрана, с которого на меня смотрел Олег. Адвокат Емельянов. Дорогой и успешный. Судя по тексту бегущей строки, он говорил о своей подопечной – Стелла Чернова обвиняется в убийстве мужа-биз-

несмена. А еще – при невыясненных обстоятельствах, запутанное дело, сложное расследование, субъективность криминальных факторов, амнезия и неясность побудительных мотивов, если таковые были у его подзащитной. И потом – фотография Стеллы на гламурной тусовке под руку с мужем, оба кажутся такими счастливыми! И такими безнадежно красивыми.

Я не успел позвонить – раздался звонок, мама тоже смотрела «Криминальный час».

– Не стану говорить, что ты мог бы и сам догадаться сообщить своей матери о приезде, но я уже в курсе – самолет прилетел, и Глафира сказала, что, когда возвращалась из магазина, видела, как ты выходил из машины у подъезда...

Глафира! Давняя мамина осведомительница – консьержка из квартиры на третьем этаже. Когда родители переехали, она исправно доносила матери обо всем, что происходило в моей квартире или у Анны Петровны. Первое время после их отъезда я пребывал в упоении свободы и анархии, но потом тетя Аня предупредила – возвращайся пораньше, когда в подъезде дежурит Глафира Игнатьевна. Я понял – через несколько дней поменял замок в дверях и с тех пор больше девушек к себе не приводил, всегда соглашаясь проводить их домой. Мне казалось, что и отец тоже перестал появляться в нашем доме, но приметы его присутствия в квартире Анны Петровны были всегда столь очевидны, что я неизменно восхищался его умением не отказывать себе ни в чем хоро-

шем. Я и сейчас еще не достиг такой виртуозности. А Глафира по-прежнему на посту – иногда я думаю, что силы и бодрости долголетней старушке придает ее неукротимое любопытство.

– Ты не голодный? То, что дают в самолете, есть невозможно. А у тебя нет привычки держать запас в холодильнике (мне не нужен запас, у меня, как и у папы, есть Анна Петровна). Где ты ел? Или не ел? Почему ты молчишь? У тебя болит горло? Ты не простудился в Сибири?

– Мама, сейчас лето.

– Европа замерзает, там град и ледяные ливни! Ты мне не ответил, ты голоден? Мне приехать к тебе, привезти котлеток и каши?

– Мама, мне в оргкомитете дали сухим пайком суточные, это сделано для всех, кто улетал до завтрака. Там вполне приличный набор копченостей, выпечки, соков. Я сыт, я пытаюсь поспать, на конференции была очень насыщенная программа, а завтра у меня уже лекции в первую пару.

– Хорошо, хорошо... – Мама явно отвлеклась к телевизору. Было на что: в кадре крупным планом показали лицо несчастной Стеллы – изможденное, похудевшее, круги под глазами, взгляд опустошенный и растерянный. – Хорошо, очень хорошо!

– Мама, ты о чем?

– Если ты не устал, то включи криминальный канал, там сейчас показали твою одноклассницу Климову. Я не зря го-

ворила тебе, что дружба с этой девчонкой не доведет до добра. Представляешь, своими руками застрелила собственного мужа! Какое счастье, что я не позволила тебе создать с ней семью. А если бы это был ты?

– Не говори глупостей.

– А ты посмотри! Сам, сам посмотри! Вот дрянь-то! И прячется за адвоката. Да это Олежка!.. Вот уж не думала, что он на такое решится – защищать эту стерву.

– Мама! Мне это неинтересно! – почти закричал я в трубку, и она осеклась, засуетилась:

– Отдыхай, отдыхай, я завтра тебе позвоню.

Точно так я кричал лет тридцать назад, когда мама нашла нас со Стеллой в соседнем дворе в беседке, где мы целовались. Мама всегда ждала меня по часам, и если в десять я не возвращался домой, то она выходила искать меня, обегала квартал за кварталом. Отец однажды очень серьезно сказал: я прошу тебя так больше не делать, вечер – самое удобное время для работы, а мне приходится вставать из-за стола, отрывать от бумаг и бегать по улицам за твоей сумасшедшей матерью, которая вбила себе в голову, что с ее сыном случилась беда. Я старался выполнять эту просьбу. Но чудесные школьные годы закончились год назад, стояла студенческая весна – одурающе теплая и пряная. И в тот день Стелла почему-то тоже не хотела идти домой.

Я любил ее с первого класса. И не потому, что она была самой красивой девочкой в школе. Просто казалось, что

Стеллу окружает сияние. Оно исходило от всего ее облика – от длинных пшеничных волос, от фигуры. И чем старше она становилась, тем сильнее я зависел от желания греться в его лучах. Я провожал ее домой после занятий, я носил ее портфель. Однажды Стеллу с другими девчонками из соседней школы застала биологичка – они курили за теплицей, которая словно стеной отгораживала мир элитной школы от обычной. Я искал Стеллу на перемене и видел, как она свернула за здание, а когда подошел ближе, то заметил, что биологичка, приходившая проверить посадки, поднялась на цыпочки и что-то разглядывает поверх своих растений за окном теплицы. Я успел предупредить девчонок и Стеллу и единственный попался на глаза биологичке, которая застала меня «на месте преступления». Мне, конечно, влетело, но вмешался отец, и директор ограничилась «удом» по поведению в первой четверти. Дома тоже не обошлось без скандала, правда, отец не дал маме долго кричать и заметил потом, что благородство – прекрасное качество, особенно для мужчины, но и оно наказуемо. Я не знаю, как он узнал, может быть, просто догадался, потому что в нашем доме никто никогда не курил, а я с тех пор обязательно сопровождал Стеллу, когда она бегала на переменах за теплицу, и начал покуривать сам. Я бросил курить, когда Стелла вышла замуж. Я не знал ее мужа, о свадьбе мне рассказал Олег. А до этого после школы мы не виделись с ней почти десять лет. После случая в беседке мама ходила к родителям Стеллы и устрои-

ла там разнос – в нашей школе учатся только приличные дети, а девочка, целующаяся с мальчиком в полутемном дворе, просто... Отец Стеллы велел маме уйти, я не знаю, что сказали родители Стелле, но когда я назавтра ей позвонил, мне ответила Стеллина мама и попросила как можно скорее забыть этот номер. На мой вопрос «зачем ты сделала это?» мама пожала плечами – ты потом скажешь мне спасибо, она слишком красива, чтобы все было хорошо, красота приносит несчастье, а я не хочу, чтобы мой сын пострадал. Она тебе не пара – это утверждение я слышал много лет подряд, я привык к этой мысли, я почти поверил в нее. Я забыл Стеллу – позволил думать себе, что забыл.

Я вернулся к автоответчику и снова прокрутил запись последнего звонка Олега. Это очень важно... жизнь и смерть... какие-то цифры и номер телефона. Я вставил в мобильный сим-карту и позвонил.

Глава 2. Друзья встречаются вновь

– У тебя паранойя? – спросил я Олега, когда мы встретились в воскресный полдень у главного входа в столичный зоопарк.

– Я тоже рад тебя видеть, – кивнул он, подавая билеты контролеру и жестом приглашая меня следовать за собой.

– И что мы будем делать?

– Ходить, смотреть, иногда говорить. – Олег как-то странно несколько раз оглянулся в разные стороны. – Ты не любишь братьев наших меньших?

– Вообще-то у меня аллергия на собачью шерсть, кошачий мускус и птичий помет.

– А дома в шкафу с одеждой ты, случайно, не держишь скафандр? – Олег поймал мой взгляд и упрещающе поднял руки. – Все, все, больше никаких словесных перепалок. Извини, я вчера невероятно устал, долго не мог заснуть, короче, не выспался и поэтому сегодня немного брюзжу.

– Встретились бы в понедельник, – пожал я плечами, – день-другой дела не изменят.

– А ты когда-нибудь сидел в тюрьме? – Олег вдруг остановился, и в его голосе послышались нотки раздражения. – По-настоящему. В камере без удобств, без нормальной пищи, когда на допрос под конвоем и руки за спину? Если ты, конечно, понимаешь, о чем я говорю...

Я отвернулся – несмотря на довольно раннее время, в парке уже было людно, много детей – бегают под присмотром родителей от вольеры к вольере, смеются. Все правильно – теплый солнечный день и выходной.

– Знаешь, я приехал сюда только ради Стеллы...

Олег вздохнул:

– Пойдем прогуляемся немного.

И мы пошли влево вокруг большого пруда, где вдоль береговой линии парами, с достоинством проплывали ослепительно белые черноклювые лебеди, мелкими стайками скользили по воде типичные московские кряквы и рыжие огари, экзотические гуси с оперением, расцвеченным всеми оттенками коричневого. Все как у людей – степенные царь-птицы и говорливые придворные, прикормленные следить за каждым жестом в их сторону и в ожидании случайной подачи суетливо снующие по галечной насыпи между прибрежной кромкой пруда и зелеными газонами пригорков. Их демократичности противостоял избранный круг вольеры с фламинго – то ли гарем, то ли светский раут: несколько десятков изящных длинноногих красавцев и красавиц с неповторимым великолепием пурпурного и нежно-розового окраса. Пейзаж, располагающий к созерцательности и благоговению перед божественным промыслом великой матери-природы.

– Как поездка? – спросил Олег.

Я усмехнулся:

– Если и есть в жизни что-то постоянное, так это научные конференции. Встретились, поговорили, поели, выпили и разошлись по интересам в номера.

– А зачем тогда ездить?

Я сделал вид, что отвлекся рассмотреть возникший в вольере справа от нас почти античный барельеф семейства герпардов.

– Почему ты выбрал для нашей встречи зоопарк?

– Возможно, ты прав и у меня действительно паранойя, – не в пример мне с готовностью ответил Олег, – но в этом деле столько непонятого и, иногда мне кажется, опасного, что я решил подстраховаться.

– Понимаю...

Олег уловил иронию в моем тоне и не дал договорить:

– Слышу, слышу, сейчас ты скажешь, что это профессиональный синдром, вызванный постоянным общением с криминалом. Что мне мерещатся заговоры и я сделался мнительным без меры.

– Очень близко к оригиналу, – не стал я оспаривать его слова, – тем более что ты сам дал мне повод думать именно так. Людное место в людное время, при входе ты совершенно неоправданно с подозрением оглядывался по сторонам, как будто чего-то боялся. Все это весьма напоминает киношный детектив с банальным сюжетом. Быть может, ты заигрался в эти свои адвокатские игры с плохими парнями?

– Посидим? – Он указал на свободную лавочку за волье-

рой хищных птиц, и мы направились к ней.

– Понимаешь, – Олег достал сигарету и принялся мять ее пальцами, пока не разломил и, словно очнувшись, быстро сунул ее остатки в карман дорогого пиджака, – когда мне позвонил отец Стеллы и предложил защищать ее, я бросился в это дело, как на амбразуру. Ты только представь, наша Стелка – убийца! Немыслимо! Для меня ее невиновность была совершенно очевидной, и мне казалось, что все обвинения против нее рассыплются при ближайшем рассмотрении и уже в самом первом приближении. Но чем больше я изучал свидетельства, документы и факты, тем меньше становилась моя уверенность в собственной объективности по отношению к делу и к Стелле. К тому же она мне практически не помогает – закрылась в себе, ничего не хочет, не борется, но самое страшное – без конца твердит: это я его убила. И ведь убийство-то типично женское – зарезала мужа, когда он спал, на ноже ее отпечатки, удары наносились явно женской рукой, экспертиза подтвердила – рост и вес нападавшей совпадают с описанием Стеллы!

Олег внезапно оборвал себя и замер – наверное, ему показалось, что он слишком громко говорит, если честно, так показалось и мне, и я даже подумал – зачем пугать детей страшилками в песочнице?

– Не могу сидеть. – Олег грузно поднялся и почти жалобно взглянул на меня. – Я что-то разволновался, пойдем еще походим, мне, когда хожу, легче, я так быстрее успокаива-

уюсь. Только не смотри на меня с таким удивлением, вижу твой немой вопрос: а как он вообще при таком психозе ведет дела, да еще их выигрывает?

– Слушай, ты часом не заделался экстрасенсом? – Я попытался незатейливой шуткой разрядить атмосферу. – Еще и подумать не успел, а ты уже дословно меня цитируешь.

– Будешь тут экстрасенсом, – обреченно махнул рукой Олег, – я тоже поднаторел в мотивациях, и потом, все предсказуемо – люди, поступки. Ты думаешь – есть особенные свойства, исключительные обстоятельства, а копнешь поглубже – все тривиально, все как у всех и как всегда.

– А в чем банальность поступка Стеллы? – Мы остановились у павильонов Южного полушария, здесь Олег снова принялся оглядываться и кивнул – давай по пешеходному мосту, я пожал плечами – почему бы и нет? И мы пошли.

– По виду типичная бытовая ссора с летальным исходом, – после минутной паузы продолжил Олег. – Следствие сразу схватилось за эту идею. Ну, ты знаешь, наверное, критические периоды в жизни семейных пар – семь, четырнадцать лет и двадцать один год. Если, разумеется, мы говорим об адекватных семьях, законопослушных гражданах, не бомжах и алкоголиках, а в нашем случае ребята как раз полгода назад отметили двадцатилетие супружеской жизни.

– Любовница Чернова – действительно юная и красивая фотомодель? – Мой голос предательски дрогнул.

– Молодец, подготовился, – горестно улыбнулся Олег и

проводил печальным взглядом мирную утиную парочку, из тех, что туда и сюда сновали по новому пруду. – Любовница действительно есть, то есть была, и не одна, и Стелла о них знала. Судя по брачному контракту, который они составили через десять лет совместной жизни, между супругами существовали вполне внятная договоренность и четкое понимание основных целей и задач их брака. Насколько я могу понять подтекст их соглашения, Чернову были нужны партийные связи Стелкиного отца, а он в ответ обеспечивал жене ту жизнь, к которой она привыкла в советское время. Чувств, как я понимаю, между ними не было давно, если они вообще существовали изначально, по крайней мере Стелла молчит и об этом. Их сын учится в Англии и возвращаться не собирается, равно как и заниматься бизнесом отца. Если ты проштудировал Интернет, значит, знаешь, что Чернов от сына отрекся ввиду своей одержимости здоровым мужским образом жизни. Он же вышел из провинции, получил дома правильное военное воспитание...

– Я читал, – подтвердил я, – и про мальчика, и про его взгляды, и о том, что Чернов назначил ему пожизненное содержание, но отказал в полном наследовании, и все как будто должно было достаться Стелле.

– Милиция отработывала и эту версию, – кивнул Олег, – даме бальзаковского возраста надоело терпеть мужа-ходока, захотелось свободной жизни и мести за бесконечные измены. Только на этом они и встали – если так, то зачем са-

мой убивать, да еще с таким грохотом? Есть другие способы, при их-то деньгах! Следователи перекопали все мотивы, связанные с бизнесом Чернова, и ничего не нашли. Оставалась только бытовуха. Сдали нервы, перебрала выпивки, поспорились, слово за слово, а потом он ее ударил, она в ответ – за нож. Правда, и здесь не все так хорошо, в смысле – с чего возник нож, а у Стеллы нет следов побоев или насилия. Только алкоголь. Доза, вполне достаточная для того, чтобы спровоцировать, к примеру, приступ щитовидки, которой она страдает.

– Стелла пила? – вздрогнул я, насколько помню, в Интернете мне не попадалось упоминания об этом факте.

– Нет. – Олег на минуту остановился у пруда с цаплями. – Это моя линия защиты. Скрытый, тайный алкоголизм, двойная жизнь, психическая неуравновешенность, отсюда приступ неконтролируемой ярости и неадекватность реакции на обычную домашнюю ссору. Ну и как следствие временная амнезия: что делала – не помню, была не в себе... Такое случается. Понимаешь, я думал: в этом деле чем проще, тем лучше, хотя, конечно, как только происходит нечто подобное в семье любой известной персоны, сразу появляется предположение, что все это неспроста. Однако по жизни самое простое объяснение – самое правильное. Мне несколько раз приходилось сталкиваться со Стеллой и ее мужем на разных приемах и концертах. Тот еще тип. Бесцеремонный, злой, самоуверенный, не говорил – опрокидывал, мог себе позво-

лить публичную грубость и называл это своим личным стилем. Возможно, он что-то сказал, Стелка зацепилась за фразу или слово, дальше – вспышка где-то в недрах женской эндокринной системы, и вот результат. Признают виновной в состоянии аффекта, может быть, удастся добиться повторного психиатрического освидетельствования и содержания в приличной лечебнице.

– У тебя есть какой-то конкретный маршрут? – Когда мы снова двинулись в путь, я обратил внимание на то, что Олег идет, словно ноги сами его несут по знакомым дорожкам.

– Да, я часто прихожу сюда с младшими, – Олег указал на вольеру с жирафами справа, – дальше у них по плану «Экзотариум» с рыбами. Мне этот пункт нашей прогулки нравится больше всего – там я по-настоящему отдыхаю.

– Идем туда?

– Идем. – Олег искоса бросил на меня изучающий взгляд. – Тебя что-то смущает в моем рассказе?

– Нет, пока все объяснимо. Твоя модель вполне логична – главное, чтобы не было злого умысла и предварительного сговора, а в остальном даже можно рассчитывать на снисхождение присяжных, разумеется, отчасти. Но мы же говорим не о линии твоего поведения на суде, а о том, для чего ты позвал меня на самом деле. О каких цифрах шла речь в твоём сообщении на автоответчике?

– Я успел такое сказать? – вздрогнул Олег. – Видать, и сам хорошо приложился...

Мы вошли в здание «Острова зверей» и повернули в «Экзотариум».

Олег немедленно отвлекся на тропических рыб, с плавностью вальса пересекающих бассейновую гладь гигантских аквариумов. Он радовался их созерцанию как ребенок, застывая перед каждым следующим стеклом почти в гипнотическом сомнамбулизме. О детях я бы сказал – замирали, открыв рот, но в отличие от них Олег не тыкал пальцами в особо привлекательный объект и не повизгивал от восторга, без конца дергая за руку папу или маму. Здесь было на что посмотреть – все самое известное и привлекательное из морской фауны: красно-белые рыбы-клоуны, сине-желтые рыбы-хирурги, полосатые ангелы, пятнистые групперы и феерические рыбы-бабочки.

– Тебе не интересно? – Олег заметил мою прохладность.

– Отчего же, – я не стал его разочаровывать, – это действительно очень красиво. Я говорю о рифах, да и сделано искусно, настоящий уголок живой океанской природы.

– Ты давно дайвер? – догадался Олег.

– Лет двенадцать, – кивнул я, – не люблю «уголки», мне мало теплицы или выставочного стенда, я хочу ощутить все пространство, соприкоснуться и прикоснуться. Знаешь, когда вертикальные полуденные солнечные лучи падают на риф, то, что видишь, кажется сказкой или фантастической планетой. Ковер из разноцветных актиний, причудливые изгибы коралловых зарослей и почти никакого притяжения.

– А ты, оказывается, романтик. – Олег с удивлением взглянул на меня. – Был в Австралии?

– Большой Барьерный риф, в прошлом году, – улыбнулся я скорее воспоминанию, чем его догадке, – а так – я летаю каждый год: Красное море, Средиземное, Атлантика, Дальний Восток... Мы наконец поговорим?

– А что я делал до этого? – нахмурился Олег.

– Полагаю, прощупывал почву. Из чего я могу заключить, что ты либо не уверен в своих выводах, либо дело куда более серьезно, чем ты думал, когда брался за него, и тайна смерти Чернова все-таки существует.

– Ладно, теперь черед обезьянника. – Олег без дополнительных приглашений направился к выходу и помахал рукой, снова призывая меня следовать за ним.

– Тебе мало? – поинтересовался я, догоняя друга.

– Идем в «Дом приматов», обычно там больше всего посетителей.

Мы выбрали себе освободившуюся скамеечку в одном из самых людных залов обезьянника, и, особенно не стараясь преодолеть гул, Олег начал рассказывать:

– Следствие по делу Чернова практически завершено, на следующей неделе прокуратура передает документы в суд. Я встречался с отцом Стеллы, и он одобрил мой вариант защиты – пусть лучше дочь объявят сумасшедшей, чем просто убийцей при отягчающих обстоятельствах – никакого расчета, никаких заговоров. Но неделю назад мне позвонил

некто, пока скажем так – один из партнеров Чернова по бизнесу. Представился, предложил встретиться, сказал, что у него есть никому не известные свидетельства в пользу Стеллы, о которых он молчал, ожидая, чем закончится следствие. Он видел один из сюжетов по телевидению и поскольку иного выхода спасти жену друга, как он понимает, нет, то хотел бы предъявить эти доказательства, но сначала ему необходимо переговорить с ее адвокатом.

– Ты прежде когда-нибудь видел его? – Я с сомнением покачал головой.

– Лично нет, последнее время он жил в Йоханнесбурге. Хотя в «желтой прессе» о нем вдруг замелькали заметки, когда пошли разговоры о якутских контрактах с «Де Бирс», но довольно скупо, судя по всему, этот человек не из тех, кто любит мозолить глаза репортерам. Я просмотрел материалы следствия: в день убийства Чернова он находился за границей, по возвращении из ЮАР милиция взяла у него показания, его проверяли, как отработывали и другие линии и других деловых партнеров и знакомых Чернова. Я спросил о нем Стеллу – она сказала, что это дружба, которой дорожат, а не выставляют напоказ. Человек из армейского прошлого ее отца, то ли наставник, то ли друг семьи – в общем, не простое знакомство, но для меня в любом случае – «темная лошадка» с козырным тузом в рукаве.

– И тебе не показалось это подозрительным?

– Показалось, – вздохнул Олег, – разумеется, я тотчас

же принялся задавать вопросы самому себе: почему он знал нечто важное для следствия и молчал? Почему вдруг заговорил? Почему именно со мной? Но поскольку гадать можно до бесконечности, я решил встретиться с ним, правда, на всякий случай оставил письмо для секретарши и предупредил Станислава Арнольдовича, ну, сам понимаешь, если я не позвоню до такого-то числа и часа, то он должен сообщить в милицию об исчезновении адвоката своей дочери.

– Бред какой-то, – встряхнулся я, точно от наваждения, – детский сад!

– Сад не сад, но все вышло с точностью до наоборот, – криво усмехнулся Олег, – по-моему, этот человек и сам помешан на подозрительности. За мной прислали машину с двумя телохранителями, привезли в его роскошную загородную резиденцию по Минскому шоссе, там охраны и всяких систем сигнализации и наблюдения тоже оказалось предостаточно.

– Цену себе набивал?

– Непохоже, скорее у него это образ жизни. – Олег помолчал с пару мгновений и снова вздохнул. – Первое, о чем он спросил меня, – список улик, была ли среди них записная книжка погибшего. Он в общих чертах описал ее, потому что видел только однажды и тогда не придал этому значения. Ничего подобного не было среди вещей Чернова, я с его разрешения потом поинтересовался об этом у Стеллы, она не смогла вспомнить такую книжку. Но он настаивал на ее су-

ществовании. И он же снова всколыхнул во мне сомнения в правильности окончательной версии гибели Чернова. Сказал, что вина Стеллы кажется ему слишком явно организованной, он считает, что ее подставили и что истинная причина убийства Чернова – в его бизнесе.

– Ты же говорил, что милиция проверила эту линию и бизнес Чернова чист? – стараясь тоже не повышать голоса, спросил я.

– Именно так я и ответил этому человеку, но он стал уверять меня, что абсолютно уверен в существовании у Чернова какого-то другого бизнеса, как говорится, на стороне. Он предположил, что убийцы Чернова искали в его доме именно эту записную книжку, где были важные записи – возможно, компромат на кого-либо из заказчиков либо тайная бухгалтерия. И раны Чернова – не следствия ударов, нанесенных Стеллой, а следы пыток и что Стелла скорее всего в это время спала в своей спальне на втором этаже.

– Чернов давал взятки? – не поверил я. – Вот так просто? Зачем? Имея такого тестя и такие связи? Уверен, там, наверху, работают совершенно иные механизмы. И потом, времена советской рыбной мафии прошли. Или нет? А тебе не кажется, что у твоего нового знакомого разыгралось воображение, ведь то, в чем он пытается тебя убедить, очень смахивает на историю с убийством генерала Каменева. Психически неуравновешенная жена в состоянии аффекта, против которой все улики, вдруг изменяет показания, и на свет появля-

ется теория заговора: люди с пистолетами и в масках вложили ей в руку оружие и приказали стрелять, если она хочет жить и спасти детей. Не слишком ли отдает телесериалом?

– Я тоже так подумал, – признался Олег, – но дело в том, что записная книжка Чернова существует на самом деле и этот человек показал мне ее ксерокопию.

– Так вот сразу и показал? – Я позволил себе усомниться. – И откуда она у него, он не объяснил?

– Объяснил. Чернов сам отдал ее своему другу. Предупредил, что там зашифрована информация, которая стоит многих миллионов, и не в рублях, попросил спрятать. И в случае если что-то случится с ним или его бизнесом, это обеспечит Стеллу на всю жизнь. И когда все плохое, чего ждал Чернов, произошло, он подумал – а вдруг Чернов хотел сказать: спасет Стелле жизнь? Вот только одна загвоздка – все записи в книжке зашифрованы. Но, прочитав их, мы, быть может, узнаем имя истинного убийцы Чернова. Тогда он купил билет на самолет и вылетел в Москву. Прежде чем обратиться ко мне, этот человек навел соответствующие справки. Ему выдали твое имя, а по странному стечению обстоятельств ты оказался школьным другом адвоката Стеллы Черновой. Так что нам всем необходима твоя помощь. Стелле, если предположения друга ее мужа подтвердятся и появятся обоснованные сомнения, которые позволят отправить дело на следствие. Мне, кто хочет ей помочь, ее родителям, ее сыну. И даже этому человеку – другу Чернова, которых у него, как я

слышал, было немного, все больше партнеры по бизнесу, и, возможно, мы просто знали не всех и не все о его делах.

Общий вздох восхищения отвлек наше внимание – огромная рыжая самка орангутанга появилась перед зрителями с детенышем, вцепившимся всеми пальцами в ее густую и длинную шерсть, неторопливо повисла на ствольном ответвлении, покачалась на одной лапе, выбирая себе место среди других ветвей, потом удобно устроилась на развилке ствола на переднем плане вольеры и принялась наводить лохмоту малышу послеобеденный марафет, с аппетитом выбирая из его подшерстка какую-то мелкую живность. И что-то противное немедленно подкатило к самому горлу.

– Интересно, почему дети, даже самые неухоженные, всегда вызывают такое умиление у публики? – Я и не заметил, что рассуждаю вслух.

– Потому что они ангелы, – тихо сказал Олег. – Значит, нет?

– О чем ты? – спохватился я и повернулся к нему. – Я должен увидеть Стеллу и поговорить с ней.

– И как это связано с твоим согласием посмотреть – хотя бы посмотреть текст? – Олег вдруг сделался чрезвычайно серьезен, это был уже не столько старый друг, сколько известный и очень дорогой адвокат с прагматичным и цепким взглядом на вещи и на людей.

– Я никогда не ввязывался в авантюры. – Я тоже сменил тон на более подходящий для подобного делового разгово-

ра. – Интуиция подсказывает мне, здесь что-то не так, но что именно? Если предположение твоего нового знакомого верно и в нем есть хотя бы доля правды, то речь может идти об очень серьезных вещах. А я стараюсь избегать конфликтов. Мне нравится моя жизнь.

– Я думал, ты любил ее... – едва слышно обронил Олег.

– Боюсь, я уже не в том возрасте, чтобы из-за великого чувства совать голову в петлю, мне довольно того, что есть.

Олег вздохнул:

– Когда ты хочешь это сделать? Я говорю о свидании, мне надо заказать пропуск.

– Я не держу в голове расписания занятий, посмотрю дома распечатку и дам тебе знать... Кстати, – я прямо взглянул в глаза Олегу, – этот таинственный покровитель Стеллы, случайно, не носит фамилию Хорст?

Олег вздрогнул:

– Ты прежде частным сыском не занимался?

Тоже мне юрист – назвал столько примет, по которым опознать этот персонаж не представляло никакого труда. Бывший военный, алмазы, избегает любой шумихи вокруг себя и своего бизнеса. Не то чтобы я по жизни был излишне любопытен или увлекался сбором информации о самых заметных фигурах в политике и бизнесе – я не читал прессу в том смысле, как ее читают другие. Я ее вообще не выписывал и не покупал. Я не следил за котировками и обменах дипломатическими нотами. За скандалами и другими новинками, ес-

ли, конечно, это не касалось моей темы и не было напечатано в научных изданиях. Широкое чтение составляло часть моего образования лет до двадцати пяти, а потом я почувствовал синдром перегрузки и отправил все полученные за эти годы сведения на сортировку. После чего в моем активном интеллектуальном пользовании осталось только самое необходимое, периферийное знание я автоматически задействовал лишь тогда, когда в том возникала потребность в разговоре или в импровизации на лекции.

Все, что необходимо было знать о текущей за окнами жизни и людях, прежде чем сделать обобщение или вывод, приходило ко мне случайно. Мимоходом брошенный взгляд на оставленную на скамейке в аэропорту или в кармане впереди стоящего кресла в самолете газету или журнал. Обрывок фразы или интервью в прямом эфире радио в машине, которую тормознул по дороге в академию или обратно. Немая скупость бегущей телевизионной строки. Порою я и сам не понимаю, откуда при столь малом фактическом наполнении в моей голове находятся основания для восприятия и анализа целостной картины реального мира, и, как потом мне часто говорят, очень точного и безошибочного в оценках. Возможно, это просто научная привычка видеть и выделять главное в информационном потоке данных, может быть, я вижу и слышу больше, чем пользуюсь сию минуту, а быть может, это просто банальная интуиция – дар свыше.

– Дедукция, мой дорогой друг, старо как мир, – теперь

вздохнул я и встал, давая понять, что на сегодня эта тема закрыта.

Вообще-то так паршиво я себя не чувствовал очень давно. Лучший и, быть может, единственный друг обратился ко мне за помощью, и речь шла не о займе или дурацком одолжении – о судьбе той, кого я когда-то любил. Что меня останавливало? Что мешало немедленно ответить – да, конечно, да? Я не считаю себя чистоплюем или трусом, но я не видел для себя мотивации со всем энтузиазмом влезать в это дело.

Когда я смотрел тот телевизионный репортаж, то каждой клеточкой кожи чувствовал, как прошлое атакует меня. Я смотрел на чужую, почти незнакомую мне холеную женщину в кадре, но видел себя восемнадцатилетним мальчишкой, влюбленным в одноклассницу и мечтающим об общем счастье для нас двоих. В нашем расставании не было ничего личного: только злые силы судьбы, у которых мы оба пошли на поводу, которым не посмели противостоять, с которыми даже не попытались поспорить – смиренно приняли этот удар и отказались друг от друга. Все эти годы я считал себя жертвой родительской воли и далеко не сразу начал признаваться себе, что во мне тогда скорее всего говорила обида – я позвонил ей на следующий день, я сделал шаг к примирению, тем более что не был ни в чем виноват, но Стелла не ответила мне и не захотела перезвонить или встретиться. И меня занесло – я затаился, я ждал – вот сегодня, завтра, послезавтра, а оказалось – больше никогда. Стелла мне так и

не позвонила, и я отныне не искал встречи с ней.

Мы увиделись на пятилетию школьного выпуска – мельком, я опоздал, она уже уезжала, нет, не с Черновым, тогда у нее был кто-то другой. Мы встретились взглядами – она даже не вздрогнула, спокойно кивнула и села в машину. Холодная, как Снежная королева, как будто ее заколдовали, а ее сердце превратилось в осколок льда. Мне было трудно поверить, что это она, что не было общих планов на будущую жизнь, разговоров о детях – сколько девочек и мальчиков, как мы их назовем, где и чему они будут учиться. Я искал и не смог найти объяснения этим внезапным и категорическим переменам в ней. Я решил, что это гипноз. Я уговорил себя, что она ни при чем, что та Стелла, которую я любил, не могла предать меня и наше чувство. Я сочинил о ней историю – о семейном долге, об обязательствах, об отце-тиране, обо всем, что могло нам помешать и чему ей пришлось подчиниться. Я был уверен, что в глубине души в ней тоже живет эта сказка, что однажды жизнь снова сведет нас и мы будем вместе, чтобы уже никогда не расставаться. Но годы шли, мы жили в одном городе, но словно на разных планетах. Я иногда слышал о ней, не думаю, что она слышала обо мне. Может быть, просто не хотела слышать? Потому что это вносило дискомфорт в ее жизнь, беспокоило ее? Я снова и снова оправдывал ее молчание и отсутствие интереса ко мне и нашим детским планам и мечтам. Я думал о ней так, как хотел думать. Я был глуп. Я нарисовал себе образ несчастной

красавицы, чья жизнь сдавлена тисками не ею определяемых обстоятельств, я верил, что однажды явлюсь ей рыцарем на белом коне, о котором втайне мечтают все девчонки – красивые и не очень, умные и простушки. Я был готов к роли спасителя и благодетеля, и вот я услышал зов боевой трубы и понял, что прекрасная принцесса постарела и в общем-то никогда меня не ждала.

Впервые за это время я занялся в Интернете поиском одноклассницы. Я прочитал все, что можно было найти о Стелле и ее муже, я внимательно слушал Олега, я выискивал смысл между строк, между слов. И что же? Я слишком близко подошел к краю бездны, и она ответила мне холодным и пустым взглядом постороннего.

Теперь я знаю – Стелла Климова и прежде не была наивной влюбленной. Ее поступками всегда руководил расчет. Оставив роман со мной без продолжения, она закончила иняз и благополучно вышла замуж за подающего надежды дипломата, вместе с которым уехала сначала в одну из стран Северной Африки, а потом в Европу. Она не скучала обо мне, она с легкостью забыла меня. Ее брак с миллионером Черновым, эффектный и громко обставленный, принес молодой вдове дипломата, скончавшегося в самолете от внезапного сердечного приступа в неполные тридцать семь лет, известность и внимание «глянца». В одном из интервью она сказала, что дети портят фигуру, но потом отказалась от своих слов и утверждала, что вообще ничего подобного не гово-

рила, но даже единственный сын у нее не задался, из мальчика вышло что-то другое, прямо противоположное жизненным установкам и пожеланиям его отца. Она не думала о любви, она ею не заболела, она вообще не знала ее. Муж выговорил у нее свободу выбора подруг в обмен на солидное содержание и наследство. Она ни дня в своей жизни не работала и не собиралась – она была привязана к тому образу жизни, к которому привыкла с детства, и не изменяла ему.

Эта долгая ночь перед компьютером и разговор с Олегом заставили меня по-новому взглянуть на свое прошлое и на Стеллу. И я не вдруг понял, что, в сущности, всегда был ей безразличен. Она знала силу своей красоты, она играла мной, потому что ей было интересно – я был любимой игрушкой, послушной и податливой, покорной и готовой на все ради нее. Она не играла моими чувствами, она просто не принимала их всерьез. Как это у классика? Виктор Гюго, «Король развлекается». Стелла позволяла быть рядом с собой, пока эфемерность не превратилась в реальность, пока не изменились правила игры: игра в любовь – это любопытно, борьба за любовь – уже не игра. И поэтому она отступила – убежала, спряталась, нашла себе новую игрушку. Жизнь продолжается!

Я, конечно, тоже далеко не страдалец. И возможно, я злюсь на нее лишь из-за того, что Стелла ни разу за это время не вспомнила обо мне, не позвала, не попросила о помощи. Она жила сама по себе – то есть независимо от меня и в свое

удовольствие. Так кто я – собственник или жалкий раб своей привязанности к той, что не пожелала сделать меня своей собственностью?

Один наш известный поэт как-то не без рисовки, подразумеваемая свою прошлую популярность у представительниц противоположного пола, процитировал слова какой-то старушки из сибирской глубинки – страшен не грех, а недогрех. То, чего хотелось, но чего не случилось. То, к чему был готов, но не совершил. Не важно – почему, важно – никогда. Наверное, Стелла была тем самым моим прекрасным недогрехом, который беспокоил и мучил меня всю жизнь. И дело, по-видимому, не столько в ней самой, сколько в том чувстве, что осталось невоплощенным между нами. И оттого таким тревожным и желанным.

Стоило ли из-за этого подвергать себя ненужному и неоправданному риску?

Чего я боялся? Не криминала – самообмана.

Назавтра на перемене после второй пары я увидел в коридоре Татьяну, она стояла у окна поодаль от аудитории и намеренно не смотрела в мою сторону, хотя и непосвященному было очевидно, что девушка кого-то ждет и очень напряжена. Ну конечно, я опять забыл поздравить ее с днем рождения, и так – третий год. Татьяна была соискателем на кафедре философии, а к нам приходила получить консультацию по нескольким смежным теориям. В тот день я оказался на месте и по жизни свободен. Это ее дыхание в трубке

беспокоило мою совесть. Или просто мешало мне? Да нет, она не была чрезмерно навязчивой, довольно было иногда говорить с ней – не отмахиваться, а проявлять внимание или сочувствие, и любая вспышка тоски в ее душе проходила с той же стремительностью, с какой налетала и грозила слезами. Татьяна любила поплакать, в ней было много сентиментального, но еще больше совершенно не женского ума, который мешал ей так же, как и мне. Наверное, именно поэтому я не стремился сократить периодичность наших встреч – мне было достаточно себя самого. Время от времени Татьяна грозила, что выйдет замуж, и я возносил молитву к небесам – скорей бы! Но потом мы снова встречались после долгого перерыва, и она казалась мне такой милой и ненавязчивой, что все повторялось.

Я не люблю, когда женщина выбирает меня, но ту, которую выбрал, не прогоняю. Просто однажды перестаю удерживать и не жалею, когда она уходит.

– Поедем обедать в «Пушкин», – сказал я, – надо отметить твой день рождения, а то все суета и разъезды. Пока подожди меня в библиотеке, у меня еще есть кое-какие дела на кафедре, а потом я полностью твой.

Татьяна кивнула и разулыбалась. Чем особенно была хороша – она умела радоваться, и радость затмевала в ней все обиды – предыдущие и новые. У нее было острое чувство мгновения, которое стоит продлить и которым следует пользоваться. Иногда мне все это казалось знакомым – то ли про-

шлая жизнь, то ли просто модель моей жизни.

У Татьяны был отменный аппетит, и ела она заразительно, как и смеялась. А поев, расслаблялась и забывала обо всем, кроме собственных удовольствий. Дома она еще раз примерила пару тряпочек и бижутерию, которую я купил для нее по дороге в ресторан. То есть я оплатил, вещи Татьяна всегда выбирала сама. При всей внешней простоте она была наделена абсолютным чувством вкуса и меры. Я всегда удивлялся – она замечала вещь издалека, просто находила ее в ряду других – то, на что иные не обращали внимания, а потом замечали на ней и подходили с вопросом – где вы это купили?

Я разбудил Татьяну и попросил закрыть за мной дверь. Я никогда не брал ключей от квартир своих подруг и никогда не оставался у них на всю ночь.

Татьяна сонно закивала, натянула на себе шелковый халатик и всунула ноги в мягкие тапочки с плюшевыми мордами далматинцев. Потом она послушно побрела за мной в прихожую и закрыла дверь. Я ушел не сразу – прислушался: цепочка, замки, все как надо. В сущности, Татьяна была очень милой, и я испытывал к ней нечто вроде привязанности.

В такси я всегда садился на заднее сиденье – мне не нравится пустота за спиной. Пока ехали, включил мобильный и проверил сообщения. Одно пришло от Олега: «Завтра, в 16, заеду за тобой, скажи куда».

Он забрал меня у подъезда. Я заметил, что Олег удивился, когда я открыл заднюю дверцу салона, но ничего не спросил.

Он вообще был какой-то сумрачный, сосредоточенный, и я тоже не спешил его развлекать. В комнате для свиданий он отошел к окну и словно закрылся энергетическим щитом – я видел, что Олег стоит у стены, но совершенно не чувствовал его присутствия.

– Здравствуй, – тихо сказал я.

Стелла с удивлением принялась меня рассматривать, словно видела впервые, и все-таки узнала:

– Игорь? Но почему?

– Олег сказал, ты в беде...

– Зачем? – прервала она меня.

– Что «зачем»? – Я растерялся.

– Зачем ты пришел? – Стелла остановила свой взгляд глаза в глаза, и я смутился – Олег просил не говорить о записной книжке, чтобы не вселять в нее несбыточную надежду, кто знает – получится, не получится. Я согласился и хорошо же теперь выглядел со стороны – почти тридцать лет не искал встреч со Стеллой, а сейчас явился полюбопытствовать, как ей сидится тюрьме.

– Мы думаем, как тебе помочь.

– Не стоит. – Она опустила голову и уставилась на свои ладони, потом будто что-то заметила на них и быстро убрала на колени под стол. Она была похожа на незнакомую мне маленькую провинившуюся ученицу – покорная и слабая, и я ее такой не знал.

– А ты помнишь... – начал было я и осекся. Стелла снова

подняла глаза – я пришел не туда и не к той. – Мы, наверное, пойдём?

Я встал, и Олег немедленно обернулся в мою сторону:

– Что, уже?

– Да, – кивнул я ему.

– Ты тогда подожди меня в коридоре, – попросил Олег, – у меня есть к Стелле несколько личных тем от родных, хорошо?

Я постучал по двери, конвоир выпустил меня – безразличный ко всему, даже к моей неудаче. Это немного отрезвило – какой я дурак!

– И давно ты влюблен в нее? – спросил я, когда вернулся в машину. Я почему-то именно сейчас вспомнил свое давнее наблюдение: я видел жену Олега всего несколько раз, и она мне кого-то смутно напомнила, сегодня я понял кого.

– С четвертого класса, – не стал он отпираться, но как-то уж слишком показно принялся что-то искать в бардачке, потом будто спохватился и выпрямился за рулем, завел стартер, и мы поехали. – Я и с тобой-то дружил, потому что был убежден, что она любит тебя.

– Думал, так сможешь чувствовать себя ближе к ней? – Я по обыкновению принялся рассматривать персонажей и пейзажи за окном.

– Вроде того...

– Рыцарь на белом коне, – совсем недобро усмехнулся я.

– Можешь сколько угодно смеяться, – парировал Олег, –

но все эти годы мы со Стеллой дружили. Моя Марьянка перезванивалась с ней, ну там, обсуждали детей, рецепты, она привозила моим подарки из южных стран. Мы были у нее в Париже, когда Сашу только-только туда перевели. Все стало сложнее, когда появился Чернов. Он избегал ее прежних знакомств, и мы виделись реже, чем раньше, больше говорили по телефону.

– Возможно, просто не хотел, чтобы его сравнивали с вундеркиндом-дипломатом, – предположил я.

– Ты никогда не сдаешься? – Олег затормозил на светофоре и обернулся ко мне: – Последнее слово всегда должно быть за тобой?

– Последнее слово дают обвиняемому или приговоренному к смерти. – Я не стал поддаваться на его провокацию и равнодушно пожал плечами. – Я всего лишь говорю о мотивации, потому что ты, выгораживая Стеллу, совершенно не принимаешь во внимание психологию другой стороны.

– Хочешь сказать, что ему тоже с ней было несладко? – разозлился Олег.

– Сам посуди, рафинированный тепличный цветок из поколения золотой молодежи, избалованный домработницами и достатком, светскими раутами и дипломатическим статусом...

– Ты о себе?

– Нам сигналият, поехали...

Олег рванул с места, точно был «болтуном». И больше мы

разговор не возобновляли. Вплоть до моего подъезда.

– Так ты возьмешься за текст? – спросил он, едва я тронул за ручку двери.

– Возьмусь, – ответил я и открыл было дверь.

– Подожди. – Олег достал из внутреннего кармана пиджака обычные, сложенные в четверо листки бумаги. – Вот, возьми.

– Это и есть твой большой секрет? – Я взял странички и развернул их. – И ты все время носил их с собой?

– Закон детективного жанра, – усмехнулся Олег. – Самую ценную вещь прячь на самом видном месте. Разве кто-нибудь может подумать, что важные документы я ношу с собой? Ты ведь тоже, наверное, уже нарисовал себе страшную картину, как мы отправимся в банк или на тайную квартиру, где со всеми предосторожностями откроем потайной сейф и я извлеку оттуда заветную ксерокопию.

– Ты не параноик, – покачал я головой, – ты маньяк.

– То-то! – Олег расплылся в самодовольной улыбке. – В общем, возьми, посмотри. Особо не спеши, я хочу, чтобы ты оценил эту вещь по ее реальному достоинству, а не по тому, что мы думаем о ней.

– Кстати, о цене. – Я свернул листочки с текстом и так же непринужденно, как Олег извлек их на свет, положил в задний карман брюк. – В отличие от тебя у меня нет идеалистических заблуждений, ради чего и кого я берусь это делать.

– Скажи сколько, – с готовностью откликнулся Олег.

– Сначала загляну в бумаги, – сказал я, – когда пойму их реальную ценность, сообщу тебе размер своего гонорара. Имей в виду – никаких обсуждений, либо я берусь и вы платите, а насколько я могу судить, твой новый заказчик – человек не бедный, либо мы расстаемся друзьями – в том смысле, что никто никому...

– ...ничего не должен. – Олег завершил мою фразу и кивнул. – Да, в случае если мы не договоримся, в чем я, конечно, сомневаюсь, текст можешь оставить себе. Это же ксерокопия, к тому же неполная – я выбрал наугад более или менее цельный отрывок текста, там всего три-четыре абзаца, остальное действительно находится в надежном месте. И, как ты понимаешь, не у меня дома, и вообще не у меня.

– Хорст тебя так сильно напугал? – Я покачал головой, но Олег только рассмеялся. Удивительно, как он умел находить позитивное даже в самом противном. Олег махнул мне рукой из-за окна салона – его «мерседес» начал пятиться по двору. Ну, началось – я проводил взглядом его машину и не стал дожидаться, пока Олег уедет.

Поднявшись к себе, я разогрел ужин, оставленный мне Анной Петровной, потом принял душ. И пока слегка теплая вода мелкими струйками обтекала мое тело, я ощутил немислимую пустоту внутри себя – то, что принято называть свободой.

Время сказок закончилось. На мгновение – в масштабе вселенной – я снова почувствовал себя юным и наивным. Но

это была амальгама – золотая пыль, и сейчас вода смывала ее, обнажая не плоть, но сущность. Детство необратимо. И глупее фразы, чем о стариках, впадающих в детство, я не слышал. В детство невозможно впасть, в него даже попасть невозможно. Старый – не то что млад. Детское восприятие свежее, пытлиное – старики не хотят ничего нового, они пережевывают прошлое. Если я хочу жить, я не должен возвращаться, даже туда, где мне было хорошо или так мне думалось о прошедшем. Ничто не повторяется, никто не оказывается таким, каким ты его себе представлял. Расставание с иллюзиями неизбежно, и чем раньше, тем лучше.

Мне казалось, я покончил с прошлым. Я ошибся – значит, я был не прав. И больше такое не повторится.

Я вышел из ванной и занял исходное положение на своей роскошной двуспальной кровати – с левого края, ближе к двери и тумбочке, где всегда лежал домашний комплект очков для чтения. Потом я потянулся за пультом, брошенным поверх одеяла, и включил круглосуточный информационный канал – как обычно без звука. Потом взял пару листочков, оставленных мне Олегом, и, надев очки, принялся их изучать.

На первый взгляд это был совершенно бессвязный текст, напомнивший мне аллитерационные изыски обэриутов. Так сегодня сочиняют некоторые поп-музыканты – будучи не в силах найти адекватный словесный образ для по наитию сочиненной ими ритмической формы, они прибегают к про-

стейшему выходу – «агукают», «мяукают», «мычат» и думают, что «джазуют», на самом же деле – они немые, потому что слово в них не связано со звуком. Потому что они дети – увы, неразумные. Разумные дети спросят у старших, и те им подскажут – это дом, это стол, это мама, это папа. Другие станут изобретать новояз... Боже! Как же я сразу не догадался! Это же симуляция. То, о чем хочешь сказать, сначала записывается обычным текстом, потом расписывается ритмически – ударный слог, неударный, пробел, абзац, и уже по полученной схеме наговаривается любая отсебятина, которая не значит ничего, но дает представление о размере слов, спрятанных под псевдословами. Детская игра для логистиков, игрушка поэтов. Шутка!

Никакой тайной бухгалтерии не существует! И записная книжка – обман. Ну, может быть, и не обман, возможно, Чернов увлекался в детстве подобными интеллектуальными тренировками и над Хорстом просто посмеялся, он ведь был, по словам Олега, фигурой эксцентричной и ернической. А возможно, просто пытался придать себе значимости и потому пострадал... Только не это! Если кто-то и впрямь решит, что тайные записи Чернова существуют, текст начнут разыскивать, и добром это не кончится. Необходимо предупредить Олега.

Я набрал его номер, пошли гудки – он не брал трубку. На мгновение мое внимание переключилось на бегущую строку в кадре.

«Известный адвокат Олег Емельянов пропал по дороге из офиса. Его машина найдена пустой в трех кварталах от дома. Сейчас местонахождение адвоката неизвестно. Родные Емельянова обратились в прокуратуру с просьбой о возбуждении уголовного дела по факту его исчезновения».

Глава 3. Наваждение

– Да! – Я не стал дожидаться включения автоответчика и схватил трубку сразу – а вдруг это Олег?

– Карцев Игорь Сергеевич? – Тембр голоса позвонившего и официальная структура речевого оборота заставили настроиться, мне почудилось в них что-то милицейское. Оказалось – не показалось.

– Парчевский Валентин Леонидович, старший следователь генеральной прокуратуры. Могу я просить вас приехать к нам для разговора? В любое удобное для вас время. И без каких бы то ни было обязательств с вашей стороны.

– А предмет разговора? – задал я глупый вопрос, не от наивности или неожиданности – чтобы успеть оценить происходящее.

– Тогда уж скорее объект. – Человек на том конце провода явно разулыбался, и от его оптимизма у меня все похолодело внутри. – Речь пойдет об адвокате Емельянове Олеге Викторовиче. Мы расследуем дело о его исчезновении, как вы, наверное, уже догадались, если, конечно, смотрите телевизор, и сейчас проверяем всех, с кем он встречался и разговаривал в последнее время.

– У меня какая-то особая роль в вашем списке? – Я попытался придать своему голосу как можно больше легкомысленности в интонациях.

– Вы спрашиваете, можете ли отказаться от нашей встречи? – снова усмехнулся звонивший. – Это ваше конституционное право, но я подумал, быть может, вам небезразлична судьба вашего друга...

Ну да, вздрогнул я, три дня назад я уже согласился вернуться в прошлое, и каков результат?

– Извините, я не понял вашего ответа, – снова переспросил голос из прокуратуры.

– Это допрос? – уточнил я.

– Боже сохрани, – примирительно сказал следователь. – Если для вас существует какое-то табу на наше учреждение, можем встретиться в неофициальной обстановке. Подскажите, где и когда вам будет удобно. Единственная просьба, чтобы место было не слишком многолюдное и шумное, не хотелось бы перекрикивать друг друга. Вы согласны?

– Сегодня, в четырнадцать, торговый центр у высотки на Баррикадной, итальянское кафе на втором этаже, устроит?

– Нормально, – подтвердил звонивший. – Я буду.

– Интересно, а как вы узнаете меня? Или я вас? – почему-то растерялся я.

– У меня есть общая фотография встречи одноклассников, – пояснил следователь. – Марианна Вячеславовна любезно показала мне семейный архив. Правда, фото не новое, но надеюсь, вы не слишком изменились за последние пять лет?

– Я не сижу на диете и не пользуюсь услугами косметоло-

га. – Ко мне неожиданно вернулась моя всегдашняя самодостаточность, отдававшая раздражением.

– Вот и отлично, – по-видимому, кивнул говоривший. – До встречи, и – спасибо вам.

Вообще-то Марианна могла бы и предупредить о возможном появлении на моем горизонте человека из прокуратуры – я позвонил Олегу домой в тот же вечер, как увидел сообщение в бегущей строке. Марианна рыдала в трубку и все твердила – я так и знала, я всегда боялась, что эти его громкие дела до добра не доведут, я ему говорила – черт с ними, с деньгами, как-нибудь проживем, был бы жив и здоров, но, честно говоря, я не очень ей верил.

Я знал Марианну еще до их свадьбы с Олегом – он привел ее на десятилетие класса. Я видел – ей льстило, что ее друг – перспективный молодой адвокат, и почти весь вечер Марианна без умолку трещала о его очередном грандиозном успехе, кажется, фирма, в которой в те годы работал Олег, защищала какого-то предпринимателя, подозреваемого в заказном убийстве компаньона по бизнесу. Олег тогда был помощником известного законника и после этого дела стал получать собственные заказы. Он очень резко пошел в гору и вскоре при посредничестве своего учителя и мэтра Калиновского создал собственную юридическую контору. Стал мелькать на телевидении, не гнушался привлекать к себе внимание скандальными заявлениями, потом так же искренне отказывался от них, но все время оставался на плаву. Его счи-

тали душкой, ему доверяли, и его профессиональный рейтинг неизменно оставался высоким. По числу побед и количеству самопиара.

Марианна недолго работала секретарем в его конторе, потом Олег сделал ее помощницей, а когда пошли дети – неработающим партнером. И мне не надо было собирать о них сведения, вмешиваться в их личную жизнь, чтобы понять, насколько Олег дорожил своими близкими. Достаточно было взглянуть на то, как Марианна и трое их детей одеты, насколько они ухожены и спокойны, насколько упакован их быт и чем заняты их, и особенно ее, мысли – дом, дети, дети, дом, хороший отдых и понятные жизненные удовольствия: еда, сон и немного «гламура».

Олег был помешан на семье, еще в школе я отметил, что идея мужского продолжения – построить дом, посадить дерево, вырастить сына – для него не просто слова. Шесть лет назад он затеял строительство большого загородного дома и той же зимой уже приглашал меня приезжать к ним на Николину покататься на лыжах. Дерево Олег собственноручно недавно посадил во дворе дома своей московской квартиры – ради этого принял участие в субботнике по озеленению и теперь регулярно заботился о своем саженце. А мальчишек у него было двое. Старшего он определил в кадетский корпус, о младшем они с Марианной еще спорили. Что до единственной дочери – тут он и подавно был типичным сумасшедшим отцом и самозабвенно обожал ее... Я спохватился и вздрог-

нул – кажется, я сказал «был»? Нелепая мысль и нелепые страхи.

Я бросил взгляд на часы автоответчика – десять утра. Через полчаса у меня начинаются две пары предсессионных консультаций, а потом от академии до Новинского – рукой подать. Я подумал, что должен успеть. Я оделся и вышел – захотелось немного прогуляться до занятий. Продышать и проветрить мозги. Старый испытанный способ душевной саморегуляции – хождение меня всегда успокаивало. Особенно при такой погоде. Весна стояла по-летнему теплая, все вокруг расцвело вне сезона, быстро и густо. В ближайшие дни ожидали затмения – второго в этом году. Старый центр задыхался от пекла в районах пересечения магистралей и Садового кольца, но на узких улочках в прибульварных кварталах можно было укрыться в тени дворовой зелени и маленьких скверов у школ. Я любил здесь ходить – переулками и проходными дворами, в тишине, без потока рядом спешащих людей и шума проезжающих мимо машин.

Есть поверье – в одну воду дважды не вступают. Не примета – философия. Веками проверенная рекомендация для каждого следующего поколения людей. Прошлое очень опасно. Переступил порог – не возвращайся. Слово – не воробей... Сделанного не воротишь... Человеческое суеверие в отношении прошлого во все времена руководствовалось единственной аксиомой: чем дальше от него, тем лучше. Отряхни прах со своих ног. Не беспокой тени предков. Не

вызывай духов умерших. Не разрывай могил. Археологов долго считали падальщиками. О проклятии гробницы Тутанхамона шептались как о заслуженной каре за вторжение в посмертный мир обитателей Долины фараонов. Страх перед тем, что прошло, перед тем, кто ушел, настолько велик в человеке, что породил много табу, исполнение которых приводило к огромным лакунам в истории отдельных племен и народов. В одной из моих любимых книг Джеймс Фрезер приводил примеры того, как из страха перед прошлым из жизни той или иной общности выпадали целые столетия, а вместе с ними становились мертвыми целые языки или отдельные лексемы, отсутствие которых в живом языке и в летописи делало невозможной саму историческую науку. Соприкосновение с прошлым всегда и неизбежно несло гибель человеку и его душе. Жена библейского царя Лота оглянулась и обратилась в соляной столб. Древнегреческий Орфей потерял возможность вернуть из царства мертвых свою возлюбленную, не удержавшись от того, чтобы не обернуться и не посмотреть на нее. У индейцев Амазонии есть верование в повелителя вод – демона по имени Ипупиара. Его ступни всегда вывернуты пятками вперед, и поэтому, когда вы убегаете от него, вы все время бежите к нему, и он неизбежно заманит вас в болотную гниль. Герой одного не очень успешного голливудского фантастического фильма пытался изменить прошлое и спасти свою невесту, но прошлое каждый раз повторялось и отнимало у изобретателя его девушку. Отчаявшись

справиться с прошлым, ученый попал в будущее и там нашел новую любовь, которая избавила его от призраков давно минувших лет. Право же, только остроумный марксист мог пугать людей призраком будущего, призраки изначально – признак прошлого.

Я вступил на запретную территорию. Я позволил прошлому заманить меня в свое болото – я услышал печальную и прекрасную песню лесного демона и попал в расставленную им ловушку. И ничего другого – ни обязательств дружбы, ни клятвы верности школьному братству, ни пионерства с его максимализмом и стремлением помочь, спасти, поддержать, ни жалости к слабому и невинно страдающему. Только зов из прошлого, завораживающий, как голос Сирены, который, как известно, ведет корабли на рифы и мели.

Олег пришел ко мне из прошлого, заблудился в нем сам и потянул меня за собой. А я-то хорош – с какой легкостью дал себя провести! Не врал хотя бы самому себе: записная книжка Чернова – фальшивка, состряпанная для того, чтобы подловить меня на научном честолюбии, красивый повод поиграть на моих детских чувствах к Стелле, которая, вполне возможно, не так невинна и несчастна, как мне все это было представлено. И теперь меня станут дергать прокуратура, милиция, пойдут разговоры и, как всегда, просочатся за пределы служебных кабинетов правоохранительных органов, появится пресса, начнутся звонки и расспросы – кем вы, кому и для чего... Это называется – сам погибай и товарища

не забудь.

Стоп! Я споткнулся о бордюр, проложенный поперек тротуара во дворе перед аркой, выходящей прямо к академии, и мысленно дал по тормозам. Кажется, я испугался? Неужели это я? Задрожал от одного звонка из прокуратуры, как будто речь шла об измене родине? Я трус или дело в чем-то другом? Чего я боюсь? Наверное, только одного – вновь обрести в себе восемнадцатилетнего мальчишку, который любил и был покинут. Я опасался не себя и не Стеллы, я хотел избежать власти иллюзии, которая внушает нам несбыточные мечты и надежды. До разговора с Олегом я жил спокойно и по-мужски довольно беззаботно. Я не желал становиться рыцарем на белом коне, я уже почти поверил в то, что могу быть кем-то обычным и немного занудным. Но – где там! Опять труба! Опять в поход! Сначала беда приключилась со Стеллой, теперь пропал Олег, а я-то тут при чем?..

– Еще раз спасибо, что пришли. – Парчевский поднялся из-за стола и протянул мне руку для пожатия. Он приехал раньше и не сказал ни слова о моем опоздании. – Садитесь, что-нибудь закажете?

– Пожалуй, я выпью минеральной, – кивнул я, пожимая в ответ его ладонь. Пожатие оказалось крепким, что внешне трудно было предположить в этом крупном, немолодом уже мужчине с одутловатым лицом человека, страдающего хроническим недосыпанием.

– Мои верительные грамоты... – Следователь потянулся

правой рукой во внутренний карман пиджака, собираясь достать свое служебное удостоверение, но я остановил его жест – это лишнее. – Как хотите... Но для нас на самом деле важна эта встреча и этот разговор. Дело в том, что вы, судя по всему, последний человек, который общался и разговаривал с Емельяновым и его подследственной Черновой.

– Что значит – последний? – Я в недоумении взглянул на него. – И при чем здесь Стелла?

– Видите ли. – Парчевский посмотрел по сторонам, вздохнул и понизил тон голоса. – Эта информация не разглашается, но адвокат Емельянов – не единственный исчезнувший по этому делу.

Я невольно потянулся ближе к следователю, поставив локти на стол.

– Продолжайте, если, конечно, дальнейшее не служебная тайна.

– Разумеется, тайна... – Разговор опять на минуту прервался, следователь заказал подошедшему официанту бутылку минеральной воды – «с газом – без газа?», «без газа»; себе попросил капучино и эклер с шоколадным кремом, подождал, пока официант отойдет, и снова продолжил свой рассказ.

– На основании уже собранных данных мы реконструировали события вечера того дня, когда пропал ваш друг адвокат. Вы не курите, нет? Хорошо, я потерплю. – Парчевский не закурил, но так и вертел пачку в руках в течение всей на-

шей беседы. – В шестнадцать он заехал за вами домой, потом вы отправились в «Лефортово», там состоялось ваше свидание с Черновой... Нет-нет, это не намек, это профессиональный жаргон. После этого адвокат отвез вас обратно и тоже поехал домой. Куда он не доехал, а почему-то оказался в незнакомом дворе за три квартала от места назначения.

– Откуда так быстро узнали об этом? – Вопрос, волновавший меня уже несколько дней.

– Стечение обстоятельств, – кивнул следователь, – вы же знаете эти московские дворики, всегда у окна есть какая-нибудь старушка, которая наблюдает за всем, что происходит во дворе. Так вот именно такая народная оперативница со своего балкона увидела, как во дворе припарковалась незнакомая, то есть не соседская и не друзей соседей, машина, из нее выбежал человек, оставив дверцу открытой, и стремительно скрылся в ближайшей проходной арке. Старушка первым делом подумала о теракте и позвонила в панике в милицию. По звонку на место немедленно выехали отряд специального назначения и МЧС, машину проверили, убедились, что она чиста, успокоили бабушку и рассудили так, что «мерседес», наверное, в угоне. Пока машину везли на милицейскую стоянку, пробили по базе данных владельца. Оказалось – известный адвокат, тут же позвонили ему домой, где и выяснилось, что Емельянов обещал быть к ужину, но вот уже три часа его нет дома и его мобильный не отвечает. Дальше можете себе представить – крики, слезы, подо-

зрение в убийстве. Наверное, кто-то из прессы отслеживает все, что связано с вашим другом, возможно, это просто работа его пиар-агентов. В общем, в последних новостях уже появилось сообщение об исчезновении Емельянова. А утром Стелла Чернова не вышла на переключку – ее нашли в камере с перерезанными венами. Слава богу, стояла жара, и кровь быстро спекалась, текла медленно, да и порезы были неумелые. Сначала ее увезли в тюремный госпиталь, но потом у нее начался сердечный приступ, пришлось вызывать реанимацию и везти в ближайшую больницу, где ее поместили в отдельную палату и оставили милиционера для охраны...

У нашего столика опять возник официант и принес заказ. Едва дождавшись его ухода, я заторопил следователя:

– И?..

– А дальше ничего, – он отхлебнул кофе, поморщился – горячий, взял всей горстью миниатюрный эклер, и тот утонул в его огромной ладони. – Ночью госпожа Чернова скончалась, но тело ее таинственным образом исчезло из больничного морга.

– Что значит «скончалась»? – Я почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног.

– На это имеются соответствующие документы, – кивнул Парчевский, – их сейчас проверяют мои коллеги, специализирующиеся в вопросах медицинских ошибок. Уже допросили охранявшего палату милиционера, продолжают брать показания у медперсонала... Пока это все. Вот и получает-

ся – до тех пор, пока на сцене не появились вы, все шло совершенно обычно. Прокурор вынес постановление на передачу дела в суд, Емельянов готовился к первому заседанию, но вот он привел вас, вы говорили с Черновой, и после этого адвокат пропал, а его подзащитная мертва.

– Но об этом... – дрогнувшим голосом начал я и не смог продолжить фразу.

– Все, кто оказался замешан в эту историю, дали подписку о неразглашении, и мы отслеживаем процесс, так что, как видите, уже два дня, и никакой утечки информации. – Следователь поискал рукой внизу где-то справа от себя и поднял с пола дорогой кожаный портфель, раскрыл его и достал какую-то папку. – Вам, кстати, тоже придется подписать этот документ, но потом. А сейчас я хотел бы знать, для чего вам была необходима встреча с Черновой и почему после этого она пыталась покончить с собой, а ее адвокат бесследно исчез, без каких бы то ни было заявлений о выкупе с чьей-либо стороны?

Я с ужасом посмотрел на него – Стелла мертва, а он так спокойно сообщает мне об этом?! И вообще – о чем он говорит? При чем здесь я?

– Я не понимаю...

– Мы тоже. – Парчевский поднес было ко рту указательный палец левой руки, обмазанный шоколадным кремом, но спохватился и потянулся за салфеткой. – Я не поленился выяснить кое-что о вас и совершенно ничего не понял. Вы –

ученый, и, кроме десяти лет учебы в одном классе, вас с делами Емельянова, а уж тем более с Черновой, ничего не связывает. Скажите, что произошло на этом свидании в тюрьме? Может быть, она или он что-то случайно сказали, а вы просто тогда этого не заметили? Подумайте, вспомните ваш разговор.

– Послушайте, это нелепо! – воскликнул я и осекся – громко, слишком громко.

– Хотите убедить меня в том, что это простое совпадение? – Следователь с сомнением покачал головой. – Совпадений в таких делах не бывает. И куда пропало тело Черновой? Исчезло столь же таинственно, как и тело Емельянова... Извините, извините, как и он сам. И все сходится на вас. Либо вы знаете что-то важное для них обоих, либо вы сами в этом замешаны.

– Вы в своем уме? – растерялся я. – Вы меня подозреваете?

– Пока только разговариваю, – сказал мой собеседник, – если бы у меня были хотя бы какие-то доказательства, мы бы с вами так мирно не беседовали.

– Вы, кажется, мне угрожаете?

– Боже упаси! – Он шутливо поднял руки, почти так же, как Олег в прошлое воскресенье. – Я всего лишь прошу вас помочь нам. Сосредоточиться и вспомнить – зачем Емельянов взял вас с собой на свидание с Черновой, о чем вы говорили, что он сказал вам после этого посещения? Или, быть

может, отдал? Чернова ждала от вас или от него какой-то весточки с воли? А услышала об исчезновении Емельянова и испугалась? Или это было заранее согласовано? С кем – с вами?

– Я что, по-вашему, крестный отец? – рассердился я.

– Не знаю, – развел руками Парчевский, – вы для нас «темная лошадка», возникли неожиданно, с кристально чистой биографией и совершенно не в теме. Или это только видимое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.